

Дервоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

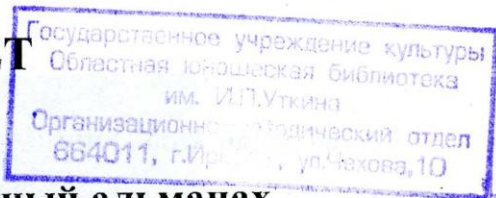

№4
1999

ПЕРВОЦВЕТ

№ 4

**Литературно-художественный альманах
для юношества**

Учредитель

Областная юношеская библиотека им. И.П.Уткина

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г. Выпуск альманаха осуществляется благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре администрации Иркутской области

Главный редактор

А.С.Стародубцева

Редколлегия

Л.М.Середкина

Е.А.Суворов

А.С.Попов

А.К.Лаптев

Л.В.Иоффе

С.Н.Элюян

О.К.Стасюлевич

Обложка

Сергея Элюяна

Рисунки в тексте

Т. Иванова

А. Неронова

Компьютерный набор

и верстка

Н.Н.Галкина

Адрес редакции

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 27-07-93

Отпечатано

В оперативной мини-типографии «На Чехова»

664011, г.Иркутск, ул.Чехова, 10, тел.(3952) 273356

ПЛД № 40-37, Тираж 250 экз. Заказ № 317

Иркутск

1999

Содержание

Сергей Элоян. Свой мир	5
Рифмы Первоцвета	
Нина Сухнат	6
Татьяна Качаева	6
Евгений Попов	6
Тамара Бабкина	7
Раиса Демещик	7-8
Катерина Мельник	8
Владимир Шведа	9
Ольга Уткина	9
Алена Пономарева	10
Светлана Зуева	10
Анна Ефимова	11
Василий Коваленко	12
Наталья Галкина	13-14
Марина Рябова	14
Михаил Филин	15
Татьяна Андриянова	16
Жанна Райгородская	17
Литературные объединения Первоцвета	
Детский клуб «Братские роднички»	
Елена Груздева	19
Елизавета Мамилова	19
Елена Патрушева	20
Валентина Рунова	21
Максим Шадрин	21
Переводы Первоцвета	
Юлия Вокина	23
Иван Герасимов	24
Проза Первоцвета	
Нина Сафронова. Колька. <i>Рассказ</i>	25
Галина Фурманова. Лужа. <i>Рассказ</i>	27
Александр Турханов. Белые палаты. <i>Рассказ</i>	29
Мастерская Первоцвета	
Александр Попов. <i>Детство. Отрывок из романа «Дом»</i>	39
Педагогическая страничка Первоцвета	
Григорий Рейнгольд. Встреча с поэтом или Размышления математика	49
Михаил Яценко. Стихи	53
Репортаж Первоцвета	
Юлия Королева. Кризис и молодость	54
Лариса Порческу. «Добро пожаловать в ад!»	55
Малая родина Первоцвета	
Город моей мечты. <i>Сочинения школьников г. Усть-Илимска</i>	57
Философия Первоцвета	
Дмитрий Клопотовский. Рассуждения о вечной и насущной печали	63
Улыбки Первоцвета	
Сергей Дымов. Шофер Серега и его погибший палец. <i>Юмореска</i>	67
Ирина Лаптева. Я – удилище	71

Моисеенко С.Е.
«Механический манекен» 1998 г., х.м. 110 x 110

Моисеенко С.Е.
«Эксцентрик» 1997 г., б. акв., тушь 59,4 x 41,2

Моисеенко С.Е.
«Невесомость» 1998 г., х.м. 143,5 x 143,5

Моисеенко С.Е.
«Женский портрет» 1998 г., б. акв., тушь 40 x 28,4

СВОЙ МИР

Работы Сергея Моисеенко не часто можно увидеть в иркутских выставочных залах – молодой художник живет и работает в городе Братске, но, всякий раз, появляясь на выставках, они привлекают к себе большое внимание зрителей. Особенно долго и пристально вглядываются в них профессиональные художники и студенты художественного училища, пытаясь понять особенности технических приемов, которые применяет автор, создавая свои причудливо-затейливые, но и строго организованные, произведения.

Используя самые простые материалы – бумагу, акварель, тушь, и лишь изредка работая маслом на холсте внушительных размеров, художник создает свою Вселенную, столь же богатую и разнообразную, как наша. В ней легко угадать знакомые черты привычной нам действительности, но живет она по своим законам. Таинственное и необъяснимое явление преобразования физической реальности в художественную, старого мира – в новый, происходящее в живописном пространстве работ Сергея Моисеенко, представляется мне как некий космический процесс. Как если бы от монолитной скалы мироздания под воздействиями ударов прибой откалывались осколки и, носимые океаном, превратившись в окатыши, оказались бы выброшенными на пустой берег. И вот из этих-то камешков, хранящих в своей генетической памяти образ скалы-праматери, и выкладывает художник свою скалу, строя ее в соответствии с собственным пониманием прекрасного. И так появляется новый мир – сложный и многословный, в котором можно увидеть и старый, наш, обыденный, а можно и провидеть новый, идеальный, живущий лишь в воображении внимательного и чуткого

зрителя. Мир Сергея, при всей условности образов и скупости изобразительных средств, ярок и наряден, как праздник – не зря учился автор на театральном отделении Красноярского художественного училища.

Создавать новый мир – работа не легкая: все детали должны быть увязаны с целым, учтены все связи и взаимовлияния, продумано строение, выверены конструкции. И Сергей прилежно и сосредоточенно трудится над каждой молекулой своей Вселенной, выстраивая физическую ткань своих художественных образов из мельчайших цветных точек, подобных элементарным частицам. И происходит удивительная вещь – из крошечных атомов вдруг складывается монолитная и монументальная пластическая форма, ладно скроенная и крепко сшитая, рассчитанная на долгую, основательную жизнь.

Художественная система Сергея Моисеенко по характеру образов и пластическим особенностям ярко индивидуальна и не может вызывать однозначной реакции у всех зрителей, каждый из которых обладает собственным представлением о прекрасном. Но совершенно бесспорное владение избранной техникой, высокая культура использования художественного материала и добросовестное, по-настоящему профессиональное, отношение к своему труду убедительно говорят, что перед нами сложившийся, самостоятельный художник, будущее которого внушает определенные надежды. Не случайно на областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» работы Сергея заняли первое место. Пожелаем ему дальнейших творческих успехов.

Сергей Элоян

РИФМЫ ПЕРВОЦВЕТА

Нина Сухнат

Учащаяся 5 класса школы № 8 г. Усть-Илимска

Весенняя ночь

Глухая полночь. Лес притих.
И только в зарослях глухих
Скрывается подснежник.
И птиц не видно...
Как же так?
Еще ведь холодно.
Вот так.

Татьяна Качаева

Учащаяся 9 класса школы № 8 г. Усть-Илимска

* * *

Все в этой музыке прекрасно,
Все гармонично так звучит,
То дышит громко, быстро, ясно,
То, как осенний лист, дрожит.
А если живопись смотреть:
Как все красиво, утонченно,

И, если с музыкой сравнить, –
Так выглядит непринужденно.
Как постарались мастера,
Чтоб все в одном сливалось звуке,
Какие чудные слова
Искусства, взглядов и науки!

Евгений Попов

Учащийся школы-гимназии № 9 г. Усолье-Сибирское

* * *

Посмотри! Весна идет!
Солнце стало улыбаться,
Снег подтаявший не тот,
Потемнел, успел примяться.
Под застрехой воробьи
Расчирикались, пригрелись

И чириканьем своим
Говорят: «Какая прелесть!»
Не весна еще. Нет – нет.
Просто слабая попытка,
Просто солнечный привет,
Просто нежная улыбка...

Тамара Бабкина

Учащаяся 8 класса средней школы пос. Дзержинск

* * *

«Я сама собой довольна», –
Мысль пришла ко мне невольно.
Я довольна всем на свете:
Тем, что радуются дети,
Тем, что рядом есть друзья,
Тем, что есть на свете я.

* * *

Прошу за все.
Пусть твой обман
Развеет глупых чувств туман.
Свобода пусть любви взамен
Разрушит мой душевный плен.

Раиса Демещик

Учащаяся 9 класса средней школы № 1 пос. Качуг

Размышление

Кто любит и верит,
Надеется, ждет,
Кто грезы лелеет,
Мечтою живет,
Кто жаждет да ищет,
Кто сеет и жнет,
Кто цель свою видит –
К тем счастье придет.
...А я же не знаю
Свой путь и звезду.
Я что-то теряю,
Что вряд ли найду...

* * *

Закутавшись в шаль, стою у окна,
Прижавшись щекою к стеклу,
Зачем-то смотрю в туманную даль,
В небесную серую мглу.
Березовый лес в белый иней одет –
На серебро злато сменял,
Теперь он, как старец, и беден и сед –
Под песню ветров задремал...

Песнь одиночества

Ты берешь стакан с водою –
И дрожит твоя рука.
Точно знаешь, что с тобою:
Сердце, нервы и тоска.
Пузырек с настойкой горькой
Ты хватаешь со стола –
Тридцать капель, ровно столько,
Сколько ты вчера пила.
Телевизор ты включаешь,
Залпом выпив весь стакан,
Что же делать, ты не знаешь,
И садишься на диван.
На экране те же лица
В праздной приторной гурьбе,
Будешь ты смотреть и злиться –
Им ведь лучше, чем тебе.
Им ли знать твои заботы,
Им ли знать твои дела?
Ты опять вчера с работы
Выйти раньше не смогла.

Вновь начальник раскричался,
Вновь и дел невпроворот,
Вот и снова разбежался
Канцелярский весь народ...
А когда устанешь сильно,
Ты идешь к себе домой,
Там соседка как обычно
Назовет тебя каргой,
Шалопай – сынок соседки –
Разобьет твое окно,
Отойдет контакт в розетке...
Но тебе уж все равно.
Ты берешь стакан с водою,
И дрожит твоя рука,
Точно знаешь, что с тобою:
Сердце, нервы и тоска.
Пузырек с настойкой горькой
Ты хватаешь со стола –
Тридцать капель, ровно столько,
Сколько ты вчера пила.

Катерина Мельник

Учащая лицея № 3 г.Иркутска

* * *

Нежный локон щеку ласкает.
Вуалью ресниц прикрыты глаза.
Никто никогда не узнает,
Почему вдруг скатилась слеза.

Мне стыдно признаться в надежде,
Что ко мне ты вернешься опять.
Я знаю – я так же, как прежде,
Тебя буду ждать. Буду ждать.

Остановиться

Грудью полною вздохнуть:
Так устала, просто жуть,
Так устала – силы нет
Пред людьми держать ответ.

Не могу не отозваться –
Коль кричат.
Стоит на беду нарваться –
Все молчат.

Владимир Шведа

Студент ИГЭА

АЛЛО...

Алло, алло, алло...	Алло, алло, алло...
Дождь стучится в окно.	Дождь стучится в окно.
Алло, алло, алло...	Алло, алло, алло...
Тишина с ним заодно.	Тишина с ним заодно.
Алло, алло, алло...	Алло, алло, алло...
Слышу я голос твой.	Слышу я голос твой.
Алло, алло, алло...	Алло, алло, алло...
В ответ ты слышишь мой.	В ответ ты слышишь мой.
Я посмотрю в лицо	А вокруг тишина,
Влажной стене дождя.	Только лишь за окном
Что же скрывает оно,	Мягко бежит вода,
Может быть, все же тебя?	Словно слилась со стеклом.
С неба бежит вода,	Трубка гудит в руке,
Капает капель ряд.	Вновь наберу номер твой,
Давит меня тишина.	Снова в пустой тишине
Я повторяю опять:	Голос раздастся мой:
	<i>Алло, алло, алло...</i>

Ольга Уткина

Студентка 2 курса факультета сервиса и рекламы ИГУ

В лесной тиши

В лесной тиши	И как чудно
Свободна я от плена.	Стоять под этим небом,
Вдруг дятла стук	Бескрайним небом
Пронесся и затих...	Зимнею порой,
Я замерла	И любоваться
В сугробе по колено	Белоснежным снегом,
У сосен	И наслаждаться
Величавых и немых.	Вечной тишиной...

Студентка 2 курса филологического факультета ИГУ

* * *

Износилось платье, но остались дыры.
В комнате прохладно и свежо, и сыро.
Башмаки в заплатках и игла на полке...
Я живу у леса, там, где бродят волки.

Мой домишко серый стерегут березы,
По весне горячей вытирая слезы,
Мне поют безмолвно сосны на опушке
И кричат о смерти глупые кукушки.

Молоком мне птицы омывают раны
И поют романсы про чужие страны.
Не тревожьте сердце, я останусь дома.
Я люблю томиться там, где все знакомо.

Светлана Зуева

*Учащаяся школы-гимназии № 1 г. Усолье-Сибирское,
победитель городского конкурса на лучшее литературное произведение*

ДРУЗЬЯМ

Я растеряла ваши адреса,
И лица ваши в памяти поблекли.
И я не помню, сохранились, нет ли
Всех ваших старых писем голоса.

Мои друзья! Я вспомнила о вас
На расстоянье, не доступном ласке,
И лишь теперь хвалю вас без опаски
И плачу, что прощаю лишь сейчас.

Порву листы. Уйти от слов спешу.
Сжигаю неотправленные письма.
Мои друзья! О, если б собрались мы!..
Мне трудно. Будет легче – напишу.

Анна Ефимова

*Учащаяся 11 класса средней школы пос. Подъяеланка
Усть-Илимского района Иркутской области*

Жди

Ну, вот и осень кончилась,
И не шумят дожди.
А в жизни сплошь несложность,
Все время жди и жди:
Жди ночи, жди рассвета,
Жди ласки и огня,
А там, за морем где-то,
Быть может, ждут меня.

Василий Коваленко

*Учащийся 10 класса вечерней школы пос. Седаново
Усть-Илимского района Иркутской области*

Безрассудство

Легли под топором леса,
Где беззаботная лиса
Свое семейство выводила,
Его кормила и поила,
Где заяц снежною зимою
Себя побаловать корою
Желая, тропкой пробегал,
Где жили счастливо, красиво,
Светло, привольно и игриво,
И пели песенки свои
Звонкоголосы соловьи...
Зачем свой столь короткий век
Ты сокращаешь, человек?

Студентка 5 курса ИГПУ

Из цикла «Ночь. Луна. Окно»

* * *

Окна. Окна. Стены. Стены.
Люди, люди. Где вы, где?
Проводом змеятся вены.
Фонари. Везде. Везде!
Грязный снег, а двор безлюден.
Ни души в нем. Ни души.
Он бездушен, беспробуден.
Только ночь. И я в тиши.
Выглянь из окна любого –
Все дома, дома, дома.
В небе днем нет голубого,
Да и ночью – тьма – не тьма.
Жизнь – не жизнь, и смерть –
не выход.
Болтовня – не разговор.
Громкий крик – еще не выпад
Против зла. Он в пользу ссор.

Сон – не сон, одно мгновенье.
Утро – это снова в бой.
Трусость – это не терпенье.
Выиграть в борьбе с собой?
Кто счастливый победитель,
Кто бесславно проиграл?
Я – сама себе воитель,
Триумфален мой провал.
Сердце – это только орган,
Мозг – лишь клетки, жизнь –
процесс.
По цветку букет раздерган,
Может, вовсе нет чудес?
Счастье – это только слово,
Горе – это только боль.
Утро. Это значит – снова
Я свою играю роль.

* * *

Зимний вечер сонно
К ночи подошел.
На стекле оконном
Папоротник цвел...

Тонкие страницы
Легких зимних книг,
Сказочная птица,
Крыльев мягкий блик.
Выписано ясно
Каждое перо.
То, что так прекрасно,
Будет ли старо?
Пусть один художник
Чудеса творит,

Вспомнить он не сможет
И не повторит
Это сочетанье
Света и души.
Кисть его – дыханье
Призрачной тиши.
Чуткими стежками
Вышитый узор,
Сотней игл мазками
Нанесен простор.

Никнет вечер сонно
Лунной головой.
На стекле оконном
Мир особый, свой.

Не про то

Солнышко прикрылось пышной тучкой,
И гроза неожиданно началась.
Ветром принесенная колючка
Зайцу в чувствах искренних клялась:
«Милый мой, всегда с тобою буду,
Если вдруг придет к тебе беда,
Пусть друзья неверные забудут,
Я тебя не брошу никогда.
Если в путь отправишься далекий,
Посмотреть соседние края,
Знай – брести не станешь одиноко,
Пусть других не будет – буду я.
Коль зубастый волк тебя настигнет,
(Как поспорить с заячьей судьбой?)
В боль твою и страх никто не вникнет,
Я же буду и тогда с тобой!»

Заяц ей ответил: «Может статься,
Птицы улетят, уснут цветы...
Пусть вольна ты в шерсть мою вцепляться,
Но в душе – они со мной, не ты».

Марина Рябова

* * *

В белом платье среди ромашек
Я кружусь и кружусь бесконечно.
Нет в душе ни печали, ни боли.
Я, как ветер, легка и беспечна.

В мир желанного и дорогого
Уношусь я все чаще и чаще.
Только в мире фантазий есть счастье
И ромашковый запах пьянящий.

Что будет?

Что будет, если вдруг меня не станет?
Мир не изменится, земля продолжит путь,
И солнце восходить не перестанет,
И ветер будет так же ночью дуть.
Я стану звездной ночью иль туманом,
Дождем прольюсь на вспаханную землю,
Черемуховым стану я дурманом
Или поющей по ночам метелью.

Воспоминание

Какой вчера был день!

А я и не заметил...

И были с нами те,

Кого сегодня нет.

Какой вчера был день!

Смеялось солнце детям

И оставляло на небе свой след.

Какой вчера был день?

И час какой? – Не помню...

Но точно знаю я,

Что было хорошо!

Какой вчера был день...

Я чувства экономлю,

И взгляд мой упирается в стекло.

Какой вчера был день!

И каждый в нем оставил

Кусочек своего,

Чем в тайне дорожил...

Какой вчера был день?!

А новый нас заставил

Запрятать прошлое в коробку

от белил...

Какой вчера был день!

А мы не оценили

Чудесного тепла,

Что было нам дано...

Какой вчера был день...

Лишь память сохранили

О нем деревья, что стучат в окно.

Какой вчера был День!

К чему теперь досада?

И нынешний уйдет –

Их вечен хоровод.

А нам лишь надо жить

И знать, как жить нам надо.

Тогда не жаль того, что пропадет!

* * *

*

Студентка 3 курса филологического факультета ИГПУ

* * *

Не этот дар пророчить,
Не этот дар стареть
Смогли сосредоточить
На том, куда смотреть.
Не эти запасные
Дощатые дома,
Не эти сны немые –
Сама, сама, сама!
Теперь забыться нужно
На жизнь, на две, на три,
Вся юная снаружи,
Но с проседью внутри.

* * *

На пьедестале собственной души –
Не спасена!
Со смертью в огненной глуши
Обручена.
Да, легкомысленно сдалась
Так мило в ад.
Кого еще смогу украсть,
Кому ты брат?
К кому еще без божества
Склонялись вы
В улыбках черствого родства,
В когтях молвы?
Да, несомненно, сын мой прав,
И глядя в ночь,
С ума сойду я, лишь узнав,
Кому я дочь.

ИГЛА И КРЕСТ

Баллада

Когда весь мир попутал бес
Раздора и войны,
Пан Здислав ехал через лес
Неведомой страны.

Гремел кругом кровавый век
Железом и огнем.
А с неба сеял мелкий снег.
Все растворялось в нем.

И елок мрачный изумруд,
И голых липок сны,
И женщина средь снежных груд
У вековой сосны.

Ни тонок стан ее, ни толст,
Простой рубахи грубый холст
И светло-русая коса
Вкруг побелевшего лица.

И заржавевшая игла,
Воткнутая в рукав...
«Для быдла ничего, мила», –
Подумал юный граф.

«Пошлю-ка гонор в зубы псу!
Она замерзнет здесь, в лесу.
Ее с собою захватить,
А там – любое может быть!

Но нужен к женщине подход,
Не дело – брать силком.
Ведь я в России третий год,
Владею языком».

– Понять я, право, не могу,

Почто сидишь ты на снегу!
Сейчас не летний зной!

– Сожгли поселок мой.

– Сожгли поселок? Кто посмел?!
Давно?

– Да уж полдня.

Поляки натворили дел.
Что встал! Руби меня!

– Рубить за правду? Ну уж нет.
Нам правда в жизни – солнца свет.
А как зовут тебя-то?

– Агафья.

– О, Агата!
Постой-ка, слезу я с коня...
Тулуп не хочешь взять?
Или боишься ты меня?

– Мне нечего терять.
А ты со мной совсем не груб,
Давай скорее свой тулуп.

– Не бойся, горлица моя,
Я б каждому помог.
А есть ли у тебя семья?

– Воюет муженек.

– А барин?

– Барина уж нет,
Отдал старик концы.

– А кто отправил на тот свет?
– Свои же молодцы.
Сей лютый зверь, сей прохиндей
Довел и девок, и людей...

– Я лучше?
– Ты нежней.
– Агата, будь моей!

Слились горячие уста,
Законы все поправ.
«Война за веру – суета», –
Подумал юный граф.

Все войны мира – суета,
Дурной, кровавый сон.
Открылись Вечности врата,
И в них – Она и Он.

Но бес лукавый не дремал
И пану на ухо шептал:

«Ты с бабой, с водкой, с калачом
Раскиснешь скоро, чай!
Пали огнем, руби мечом
И быдло просвещай!

У этой дочки дикарей
Крест православный меж грудей
Как паучок, висит!
Она ж в аду сгорит!»

Еще минута – крест в снегу.
– Эй, пан!
– Бровей не хмурь.

Я быть с тобою не могу,
Пока не выбью дурь.
Решай – пся вера или я!

– Пусти!

– Ты пленница моя,
Не покоришься мне –
Ножом прибью к сосне!

Влезай-ка живо на коня!
Ночь близко. Я спешу.
Стоим на холоде полдня...
Полковник в штабе ждет меня.
Постой, дай подсажу.
Сейчас помчимся, как стрела!..

Граф ногу в стремя вдел...
Тут, словно адская пчела,
Коня ужалила игла,
Мир в пропасть полетел.

Очнулся пан один, в снегу,
Как и положено врагу.
Нащупал нож, пистоль.
В затылке ныла боль.

Пробрал до косточек мороз,
А волки... К черту страх!
Он брел меж елей и берез.
Какой позорный крах!..

...А впрочем, через двадцать лет,
Когда зашел к нему сосед,
Смеялись до утра.
Казалось, что вчера

Была Россия, зимний лес
И вредный, нетерпимый бес.
– Пся крев! – воскликнул граф.
– Я был тогда не прав!..

– Ну да! С тебя бы крест сорвать! –
Сказал сосед – поляк.
И оба стали попивать
Вишневку и коньяк.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПЕРВОЦВЕТА

Детский клуб «Братские
роднички» при ЦДЮТ
пос. Гидростроитель
Братского района
Иркутской области

Елена Груздева
12 лет

«Почему во сне...»

Юрию Черных

Почему игрушки наши
В снах умеют рисовать?
Почему мы с куклой Дашей
Можем польку танцевать?

...Спать легла сегодня рано –
Тайны снов хочу узнать.
Почему на фортепьяно
Я во сне могу играть?

Почему бананы сами
С джунглей едут в гости к нам,
И корабль с парусами
Мчит их в море по волнам?

А проснулась – нот не знаю.
Где ж вы, ноты «до», «ре», «ми»?
Ничего не понимаю.
Хоть ревья потом реви!

Елизавета Мамилова
10 лет

На поляне

На полянку, где репейник,
Опустилась мягко тень,
Красно-черный муравейник
Сторожит корявый пенёк.

Два красавца, два масленка
Из-под ног на нас глядят.

Рядом несколько груздочков
Строго выстроились в ряд.

Прыг да скок они в корзину –
Мне самой не надо рвать.
Дивной осени картину
Буду дома рисовать.

Мартовская песня

Снег пройдет. Зажгутся фонари.
Музыка тихонько зазвучит.
Песня о потерянной любви
В мартовское небо улетит.
Песня о бессмысленных словах,
Горьковатом дыме сигарет,
О моих несбывшихся мечтах,
О любви, которой больше нет.

Не знаю

Я тогда был безгрешен,
Зимний воздух вдыхая,
Думал, скажешь: «Конечно»,
А услышал: «Не знаю...»
Думал, в прошлом обиды.
Оказалось – напрасно...

Шел, тобой позабытый.
Все так просто и ясно:
Не осталось надежды.
Я тебе все прощаю,
Только эхо, как прежде,
Повторило: «Не знаю...»

* * *
Меня проблемы задавили,
И как-то позабылось вдруг
Все то, чем мы два года жили,
Не размыкая нежных рук.
Все то, о чем в глазах читали
И не боялись говорить,

* * *
О чем еще до встречи знали
И после не смогли забыть,
Что потерять не опасались,
Но, как умели, берегли...
Мы крепко за руки держались,
А удержаться не смогли.

* * *
Правда или нет? Это ты?
После стольких лет пустоты?
Ты или не ты? Не понять.
Можно прикоснуться, обнять...
Можно засмеяться в глаза,
Можно... И как будто нельзя.
Можно чуб поправить рукой...
Ты – и в то же время другой.

* * *
Можно сжать покрепче ладонь
И разжечь погасший огонь,
Можно постоять, помолчать.
Можно головой покачать,
Безразлично бросить: «Привет!»
Можно сделать так или нет?
Душу словно режут ножи...
Можно или нет? Подскажи!

Валентина Рунова
17 лет

Бесконечность

Прохладно. Сумрачно и глухо...
Ночь правит балом тишины,
Все судьбы ей предрешены.
И звуки не тревожат слуха.

Под сенью призрачной вуали
Тревожно дремлют города.
Ночь молчалива и горда,
Но есть в ней проблески печали.

Все зыбко в сумраке кромешном.
Не спится. Тусклый луч луны
Пронзает купол вышины
И тонет в зеркале безбрежном.

И ледяная бесконечность
В разбитом зеркале видна,
Где нет границ, где нету дна,
Куда затягивает вечность.

Максим Шадрин
17 лет

Ночная прогулка

Дождь стирает мел с заборов.
Ветер лезет под пиджак.
Незатейливая флора
Отряхает с платьев прах.

Ночь. Красиво отражаясь,
В лужах плачут сотни лун.
Безуспешно подражает
Звон ручьев десяткам струн.

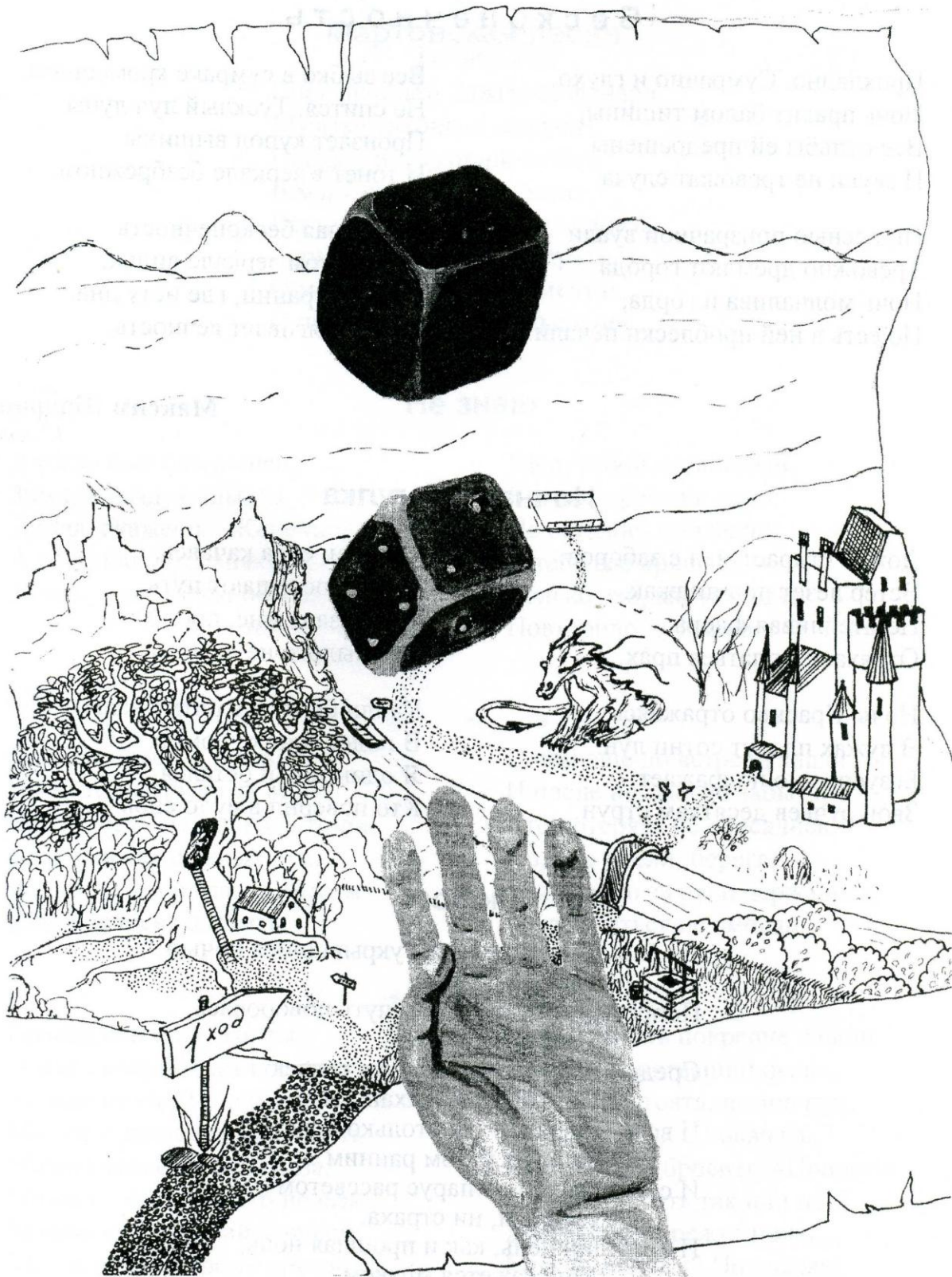
Фонари, едва качаясь,
Тускло освещают путь...
Ты сказала мне, прощаясь,
Что былого не вернуть.

Капли бьются в ритме вальса
В подоконнике домов.
Я один такой остался,
Кто поверил в чудо снов.

Любовь

Любовь – это сон лишь, укрывшийся ночью
Твоим одеялом.
Поправив подушку, чуть-чуть поворочась,
Усну я усталым.
Средь ночи холодной тебя я согрею
Своим лишь дыханьем,
И вскоре исчезну, как только повеет
Во тьме утром ранним.
И снова один я на парус рассветом –
Ни боли, ни страха.
И будущий день, как и прошлая ночь,
Мне кажется мраком.

ПЕРЕВОДЫ ПЕРВОЦВЕТА

Юлия Вокина

Учащаяся 11 класса лицея № 3 г. Иркутска

Иоганн Вольфганг Гете

МАРТ

Пушистый снег упал на землю,
Еще не время трелям птичьим,
Цветам, весне еще не время
Показывать свой лик девичий.

И солнца луч опять обманет,
Нас лживым светом пригревая,
А ласточки весну помянут,
Поодиночке прилетая.

Но разве быть могу я счастлив,
Когда мне одиноко очень,
Когда ко мне весна приходит,
А на душе тоскует осень.

А если будет биться рядом
Родное, нежное сердечко,
То побежит по белу свету
Моей души витая речка.

Перевод с немецкого

Иван Герасимов

Учащийся 11 класса средней школы № 63 г. Иркутска

Человеческая сущность

Из сборника Уильяма Блейка
«Песни Невинности и Опыта», 1993

Людская жизнь – порочных чувств поток,
В нем состраданье лишь несчастным мило.
И милосердия зачахнет в нем росток,
Коль в жизни общей счастье будет всем мерилом.

И в жизни брэнной мир тисками держит страх:
Здесь плод людского эгоизма он приносит.
Жестокость вьет покров своих колючих трав
И семена по ветру их разносит.

Среди огней земных стихий, меж листьев ядовитых,
На почве, вспоенной слезой и коркою покрытой,
Взойдет на горестях людских он прямо из-под ног,
Надеждой землю укрепит покорности росток.

От лика Солнц ветвями древо Веры сокрует в мрак людей,
И не взойдет ростку других надежд в том мире из теней.
А соки древа поглотят древесные жуки,
И листья сочные сгрызут на дереве они.

И древо то обмана плод румяный сотворит.
Но черный ворон – вестник тьмы – на древо прилетит.
На ветвях опадет листва, и солнца луч сверкнет,
Из почвы, вставшей ото сна, другой росток взойдет.

Вам не взрастить то древо в почве, о божества стихий земных,
Как разум – поле мысли, так сердце – поле чувств людских.
И древо Веры вырастит на этих землях сердце.
И образы людских богов в том мире звезд и солнц.

Перевод с английского

ПРОЗА ПЕРВОЦВЕТА

Нина Сафронова

Учащаяся 10 класса школы-гимназии № 9 г. Усолье-Сибирское

КОЛЬКА

Он шел... Маленький и неизвестный, забитый и озлобленный. Что может ждать человек от жизни? От жизни у самого ее истока? Счастья, чуда? – Да. Но не голодной смерти, не борьбы за выживание. Что познал он в свои неполные семь лет? – Скользящий, животный ужас постоянных побоев, стекленеющие глаза холода и боли.

Он шел, маленький и неизвестный, исчезая в сумерках, растворяясь в мире серых лиц, серых спин, в мире бездушной толпы, уходя от всего. Мысль, казалось, совсем замерла, в остановившихся глазах читалось полнейшее равнодушие. Да можно ли было назвать глазами две узкие щели под сомкнутыми бровями, которые нависали над чернеющими глазницами, две узкие щели, которые прятали в себе исковерканную, израненную душу ребенка? Помнил ли человек, кто и что он? Помнил ли свое имя? Вряд ли...

А имя у него было. Красивое и чистое – Николай. И счастье, пусть недолгое: яркий луч солнца на крашеном полу, пробивающийся сквозь тонкие занавески; синяя спинка кровати; руки матери; голос отца. Все эти первые впечатления от жизни сложились в единый образ почерневшего от старости, но верного и надежного дома.

Жили они тогда в деревне. Был у Николая и старший брат, жить которому оставалось совсем немного... Кто мог знать, что умрет он по вине своего отца?

В тот день моросил мелкий дождь, солнце с утра не проглядывало сквозь нависшие тучи. Ребятишки возились во дворе, тут же стоял отцовский трактор с огромными колесами, которые были плотно облеплены комьями серой грязи. Домой детей не тянуло: очередное «застолье» отца, грохот и ругань их не прельщали. Николай, схватив широкую ветку березы, пытался поймать хитрого и быстроногого Петьку, дразнящего его то с одной, то с другой стороны трактора. Вдруг дверь с шумом распахнулась и нетвердой походкой отец направился к трактору, ничего не видя и упрямо твердя: «И поеду! У! Не верите?!» На крыльцо повыскакивали дружки, среди них была испуганная мать... Хлопнула дверца кабины. Трактор зарычал. Николай метнулся в сторону и, поскользнувшись, остался сидеть на мокрой траве, прислонившись к забору. Петьку он не видел. Взметнулись две ноги в синих детских сапожках под неповоротливыми колесами. Мотор заглох, и мертвящую тишину прорвал вопль матери, дикий и страшный. Сколько горя, какую безысходность он выражал! В

глазах у Кольки потемнело. Больше он ничего не помнил. Не помнил терзаний отца, не помнил, как оказался у соседок и как безуспешно пытались разжать его пальчики и отнять ветку березы, как заглядывали в помутневшие глаза и по-матерински заботливо укачивали, пытаясь вызвать хоть какое-то чувство.

Помнил он, как плакал на коленях у бабушки, когда слегла мать. Отец же, заливая свое горе водкой, не мог видеть ни сына, ни жены – спился вконец. Бабушка наведальась с внуком в город к дочери, понимала, что внука не прокормить. Делать нечего, у нее и оставила Николая.

Тетя Вера, на попечении которой оказался Колька, работала уборщицей в больнице, детей не имела, замужем не была. В квартире ее, с постоянно промерзавшими потолками, часто собирались шумные компании, и мальчик попал в среду серой и однообразной, часто наполнявшейся гулкой музыкой и звоном стаканов жизни.

Ребенок легко привыкает, и Колька уже не помнил своей деревенской жизни. Жилось у тетки трудно. Денег на хлеб после очередного «праздника» не оставалось совсем. И Колька ходил на улицу, выпрашивал милостыню. Друзей у него не было. Врагов тоже. Один, никому не нужный, он ходил по городу, заходя погреться в магазины, подъезды. Он отвык от разговоров, и мысли у него, кроме как о еде, не появлялись.

Так прошло два года. Несколько раз он пробовал украсть, и ему везло. Но деньги отбирали, отбирали раз за разом такие же «шакаль», и каждый раз он оказывался нещадно битым...

Тетя была «временно не работающей», в квартире нельзя было отыскать ни одной стоящей вещи. Да и на квартиру эта комнатуха мало походила. Тетя по-прежнему пила, и по выпрезвлению все недовольство сложившейся жизни вымещала на нем, избивая, словно собаку, ногами.

И вот он принес с собой щенка. Такого же серенького и маленького. Они были неразлучны уже полмесяца, повстречавши друг друга в темном подвале. Тетя, увидев, глупо усмехнулась: «Мясо принес?» Колька, не сказав ни слова, свернулся калачиком на полу, прикрывая себя и собаку своей курткой. Очнулся он ночью. На кухне горел свет, журчала вода. Он осмотрелся: щенка не было. Предчувствуя неладное, он выбежал из комнаты и на миг оцепенел. Нет, не от яркого света. Тетка, поворачивая из стороны в сторону, мыла небольшую тушку, кусочек мяса. Испугавшись его неожиданного появления, она запричитала: «Ну, что ты! Ну! Для тебя ведь стараюсь. Ну! Сейчас суп есть будем». Не в силах пошевелиться, Колька прислонился к стене. Он молча наблюдал, как тетка опустила мясо в неизвестно откуда взявшуюся кастрюлю. Как она старалась в тихом ворковании скрыть свой страх перед ним, свою вину. Колька пытался и не мог оторвать ставшего вдруг свинцово-тяжелым тела от стены. Но вот внутри что-то дернулось, и Колька кинулся бежать. Бежать в ночь. В темноту. В никуда. И он шел, «сытый» по горло этой жизнью, не желавший больше этой постоянной борьбы. Он шел, уходя от скитаний и мук. Уходя от всего.

Л У Ж А

Люблю дождик. Когда май, тепло и плачет небо. А я иду по улице Карла Маркса, сворачиваю на Урицкого, иду медленно, рассматривая витрины дорогих магазинов. Люди, люди куда ни глянь. Они толкаются, наступают на ноги, они говорят что-то друг другу, спешат по своим делам, суетятся. Мелькают сотни лиц, курток и плащей, каблуки выбивают дробь по асфальтовым дорожкам.

Но только кажется, что я не с ними, а в некой оболочке, словно незримые облака – мои серьезные думы, кружат хоровод, отгородив меня от мира. Люди не видят меня, я же умудряюсь рассмотреть каждую морщинку, черточку да веснушку. Вот идет девушка в темно-синем пальто. Девушка как девушка – приятная улыбка, земные глаза, но тоненький непослушный волосок, оторвавшийся от братьев-волосков, уложенных в прическу, как бы перечеркивает лицо. Кто-то обидел ее, вычеркнул из своей жизни. Она вдруг заволновалась и съежилась – может почувствовала, что разгадали ее.

А вот женщина. Модная современная женщина – дорогая помада, сумочка через плечо, ядовито-красный лак (на длинных ногтях). Но под глазами мелкие паутинки морщин – это летопись, по ним читаешь жизнь, они не обманут. Она подходит к своей машине, небрежно бросает сумочку на заднее сиденье и уезжает, но мне уже жаль ее. Там парень совсем запачкал свои туфли, тут же раздаются протяжные напевы бабушки, требующей купить чебурек или булочку.

А дождь разучивает азбуку Морзе. Продолжаю отгадывать прохожих. Меня обгоняет парочка, и невольно завидуешь: им сейчас хорошо, они вместе. И совсем не хочется обращать внимание на окружающий мир. Их мир – это любовь. Пусть идут...

Вот бы взглянуть на жизнь сверху: зонты, зонты, красные и желтые, в цветочек и полоску. Но они умеют говорить, только мне неинтересно слушать их, надоело разглядывать мир, лучше загляну в себя...

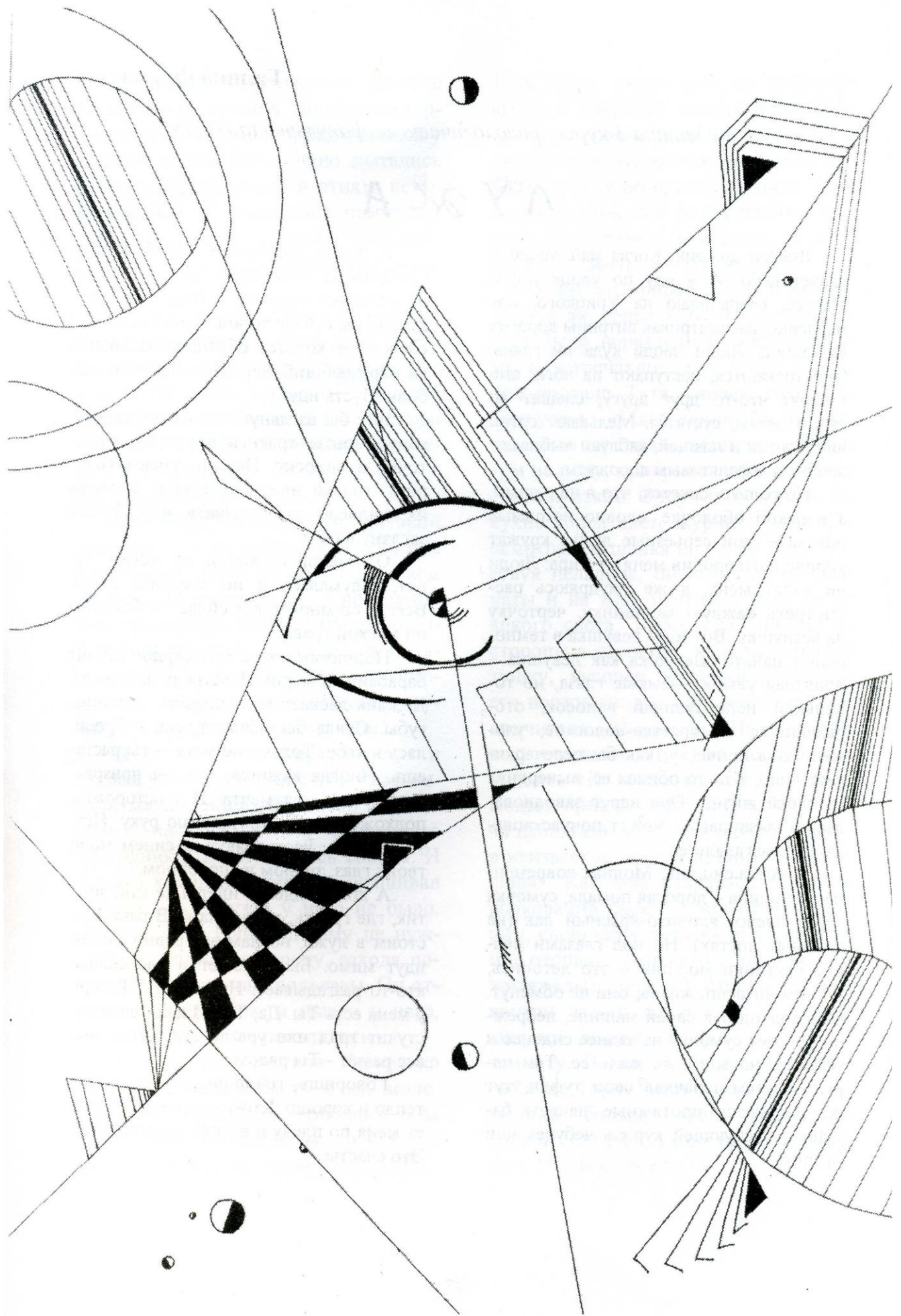
Ой, какой-то холод по ногам. Ну вот, задумалась и не заметила лужи. Всегда со мной так. Сейчас бы босиком по мягкой траве...

Поднимаю глаза и... сердце стучит барабанный марш. Навстречу идешь ты. Дождик ласкает твои волосы, ресницы, губы. Сняла бы сейчас туфли и бросилась к тебе. Только не могу – ты растаешь. Иногда кажется, что ты призрак, дым. Ты – моя мечта. И я осторожно подхожу к тебе, протягиваю руку. Нет, это не сон. Растворяюсь в синем море твоих глаз, теплом и спокойном.

А дождь идет и идет. Где мой зонтик, где грусть, да и сама я? В раю. Мы стоим в луже, но нам все равно. Люди идут мимо. Быть может и нас сейчас кто-то разгадывает. Ну и пусть. Теперь у меня есть Ты. Да, Ты! И даже если застучит град или ураган закружит, мне все равно – Ты рядом.

Говоришь, говоришь что-то, а мне тепло и хорошо. Кто-то легонько хлопает меня по плечу и весело подмигивает. Это счастье.

БЕЛЫЕ ПАЛАТЫ

Рассказ

Клиническая больница, как говорили, одна из лучших в области, находилась в самом оживленном месте города – на торговой площади. Центральным фасадом она была обращена на восток, и по утрам, когда крики и суета площади набирали силу, она празднично и ярко светилась всеми своими окнами.

Иннокентия Круглова, Кешку, в больницу привезли ночью, сырой и ветреной. После обычных вопросов-ответов его проводили в палату, усадили на койку. Он еще посидел немного, ощупывая лицо, досадливо поеживаясь – глаза не открывались.

Рядом кто-то кашлянул, присвистнул.

- Хоро-о-ош!
- Хорош, – согласился Кешка.
- Погулял? – спросили его.
- День рождения сегодня, – тихо отозвался Кешка.
- Поздравляю!

Кешка лег. Прислушался.

Шел дождь. Ветер толкнул окно. Проехала машина. Кто-то бродил по коридору недалеко от палаты, напевая тоненьким голоском какую-то песенку. Еще через несколько минут, тревожных и усталых, Кешка уснул.

Весь следующий день он осваивался со своим новым положением. Выдержал утренний обход. Врач, которого Кешка почему-то сразу окрестил Стравинским за его спокойный и чуть насмешливый голос, долго и больно мял ему голову, давил на глаза. Уже шумно вставая, успокоил – сотрясение небольшое, переломов нет, сильный ушиб мягких тканей

лица... одним словом, – жить будешь.

Познакомился с соседями по палате.

– Поздравляем с прошедшим днем рождения, – окликнули его сразу после обхода. – Ничего-о-о... Живой и ладно. Только в дверь ты сейчас не войдешь. И не пытайся.

– Отстаньте! – злился Кешка. – Сами такие, наверное.

– Вот именно. Наверное. Тебя как зовут-то?

– Иннокентием.

– А меня Андрей Палыч, блин-компот. А вон его Сашка. Ну ты нас не скоро еще увидишь. Не сердись ты! Я так ведь... шучу. Рожа у тебя замечательная!

Кешке было скучно в темноте. На вопросы Андрея Палыча, которого он тут же обозвал Блинкомпотом, больше не отвечал, отмалчивался. Засыпал. Просыпаясь, слушал, как стучит дождь по окну. Вздыхал, хотелось почитать что-нибудь. Иногда открывали форточку. Волновалась торговая площадь. Воздух был тяжелым и влажным. Пахло шашлыками.

К вечеру следующего дня левый глаз чуть приоткрылся. Кешка словно притаился у кого-то за дверью, подглядывая. Повеселел.

Первым свою историю рассказал Андрей Палыч. Это был высокий полный мужчина лет пятидесяти. Добродушный и веселый. У него были светлые волосы, которые он зачесывал назад, высокий лоб, яркий румянец на круглых щеках. Голос Андрея Палыча почему-то напоминал Кешке звук лопнувшей трубы, еще

мощной, но уже как бы с червоточинкой, с хрипотцой. Глаза же смотрели всегда с хитринкой, словно приговаривали – знаем, знаем мы вас, чертенят.

«История» Андрея Палыча была самая что ни на есть заурядная и обыкновенная. Одним словом, напились они с дружкой «аж до белых зенок, но я все помню», – тянул Андрей Палыч. Не поделили они в споре что-то, вопрос какой-то политический, но вот какой?.. Все помнящий Андрей Палыч и не помнил.

– Я ему, блин-компот... ты что мне по столу стучишь, мымрик? Ты у меня дома и уважать мою собственность должен! Я ему говорю – не стучи, а он мне в голову гирию запустил, блин! Вот ведь мымрик! Ничего-о-о! Дождется он у меня. Вот выйду, а там поглядим. Хоть бы раз навесить пришел, поганец!

– Ну и как? – спрашивал Кешка.

– Что «как»? – не понимал Андрей Палыч.

– Да я и сам не знаю, – смеялся Кешка.

– Как попал что ли сюда?

– Ну...

– Но зато вот с тобой разговариваю, твоей фотографией любуюсь. Ты когда оригинал покажешь? А, Кешка?

– Уймись лучше, – досадовал Кешка.

«Прикрывал дверь».

– Придурки! – всегда одним словом подводил черту под их разговоры второй Кешкин сосед по палате Сашка Морозов. Он с самого начала как-то сразу забеспокоил Кешку. Всегда молчаливый, он вдруг начинал отчаянно материться, часто без повода, внезапно и в тишине. Кешка долго не мог привыкнуть к тому, как за шесть месяцев болезнь может высушить и исковеркать когда-то здоровое и сильное тело красивого ред-

кой, мужественной красотой парня. Во время перевязок Кешка, не выдержав, отворачивался в сторону, хмурился. Сашка замечал это, презрительно кривил губы.

Справляли день рождения старшего брата. Гости «шумною толпою» по комнатам кочуют. Водка, вино, шампанское без счета, тосты, поздравления без меры. Вытолкнуло Сашку на балкон – воздух свежий глотнуть. Да юркнула мысль гостей потешить. «Гада ползучего! – скрипел зубами Сашка». Кухонное окно рядом с балконом было открыто. «Перелезть, подтянуться, встать и сказать – вот он я!»

– Сорвался?

Сашка молчал. Ворочался на кровати Андрей Палыч. «Спросил, – злился на себя Кешка. – Дубина!»

Понимали все, и в первую очередь понимал это и Сашка Морозов, что не подняться ему больше. Перелом позвоночника. Хоть и выдержаны уже были три операции, ожидалась четвертая, верно, последняя, но с каждым днем надежды на нее оставалось все меньше и меньше. Он чаще стал не выдерживать свое бессилие перед болезнью. Все чаще взрывался на какое-нибудь случайно оброненное слово. Долго не мог успокоиться.

В такие минуты только Марья Петровна, медсестра, Морпех, как прозвал ее Кешка, могла Сашку успокоить. Это был метеор больницы. Выкрашенные в яркий рыжий цвет волосы она собирала в «неприступную» шишечку на голове, пользовалась какой-то особого цвета красной помадой, была шумна, криклива и вместе с тем удивительно мягка и отходчива, на его ругань отвечала еще более завихрастыми предложениями. Происходил своеобразный диалог, звучавший, как тарамдарамная музыка времен первого смеше-

ния языков. И Сашка, отступая, всегда как-то удовлетворенно замолкал, с удовольствием слушал и «отходил».

– Особый дар, – говорил он, когда Морпех уходила. – Талантище. Это не наши куры-муры.

Были еще две особенности Марьи Петровны, одну из которых Кешка очень не любил. Обожала она, как сама признавалась, «целочки» искать. Оголит тебя, похлопает по заду, да и всадит иглу где почище, приговаривая...

– Ох, ты моя любя, ах, ты моя дорогуша, вот и опять ты мой, ми-и-ильй.

Но с каждой новой «дорогушей» все меньше оставалось «целочек» и все певучей голос Марьи Петровны.

Вторую особенность Морпеха не могли искоренить ни Стравинский, ни главврач Игорь Афанасьевич – Борода-из-ваты, похожий лицом на невыспавшегося Деда Мороза. Кешка узнал о ней чуть позже, когда опухоль спала настолько, что он уже без стеснения мог подняться и юркнуть в курилку к раскрытому окну, а не дымить в душной палате.

А называлась она, по замечанию «курильных» мужиков, так – вечеря. И начиналась всегда одинаково. Вечером Марья Петровна принимала у себя в дежурке законную стограммовую «милочку» и шла в курилку костерить мужиков. Чего здесь только не было! И так, и вот так, и бочком и вприпрыжку, галопом да лебедушкой. Мужики млели от восхищения, разводили руками... Вот это да! Но постепенно «милочка» оставляла свою подружку. Ряды слушателей редели. В первые дни по неопытности оставался Кешка да два-три угрюмых мужика, редких на слово. Молчали. Слушали.

Был сын у Марьи Петровны. Веселый, такой, что вприсядку над про-

пастью пройдет, да еще коленце выкинет напоследок.

– Смотрю я на вас, милые, побитые... Ох, и тяжело же как! – плакала Марья Петровна. – Ведь и у меня сыночек... а что случится вот с ним. Кто рядом будет, кто подаст, кто утешит. Плюнула бы на вас, заразна, а как матери ваши подумают – кто там с моим сыночком сейчас, хорошая ли, ласковая, внимательная... Так вот и жалко вас станет, пьянчужек, дураков соленых, и подумаю... Ладно уж, пусть, как-нибудь.

Мужики вокруг мрачно курили, уходили тихо. Кешка оставался один с Марьей Петровной. Вглядывался в нее, не узнавая в этой уставшей и заплаканной уже пожилой женщине прежнего шумного метеора. Думал. Ведь говорили мужики, что убили парня, зарезали по пьянке дружки случайные. Схоронила его Марья Петровна года два уже тому назад.

– Да знает она все, – помог ему Андрей Палыч. – Как же не знать, когда своими собственными руками в землю положила. Не верится ей только. Так точнее будет – не верится. Не принимает душа. Да какая мать примет такое, ты подумай! Против природы все это, вот так вот!

«Черт побери!» – как-то без мыслей тосковал Кешка. Сидел у открытого окна, тяжело вздыхал, много курил.

Каждый раз на «вечерю» приходила Ильина, маленькая худенькая старушка в большом для нее дочернем халате. Плакала вместе с Марьей Петровной, головой кивала.

Скверная у нее история. Дочь избилась, осерчав пьяной на мать за что-то. Попала старушка в больницу, отлежалась с недельку и, как говорится, слегка умом тронулась – тихо, безобидно. Днем лежит, не встает, иногда только пить попросит. Наступает ночь, поднимается. Бродит по

коридорам, напевая какую-то песенку все на один и тот же мотив, вроде колыбельной. В палаты заглянет, повздыхает, постоит. Дальше побредет.

Дочь каждый день навещает, плачет, прощения просит. Ильина ее ласково по плечу погладит, гостинцы возьмет, раздаст по палате. Ночью же опять по коридорам и до самого утра. Медсестры ругались сначала, потом привыкли, кое-когда помочь просили, ласкали.

Шли дни. Октябрь к тому времени снегом засыпало. Гнал ветер на город с севера тучи. Иногда только солнце покажется – и опять небо словно серым покрывалом накроют.

А тут еще к ним в палату беда пришла. Закружилась самая настоящая неистовая буря – Андрей Палыч бунт поднял. И было это тем более удивительно, что никто ничего подобного от всегда добродушного, терпеливого и веселого Андрея Палыча не ожидал. Все началось, как ни странно, со сказок Андерсена, которыми Кешка, лежа у себя в кровати, с восторгом упивался.

Был вечер. Кешка уже в третий раз перечитывал «Русалочку», так она ему нравилась. Сашка смотрел телевизор, который друзья, отремонтировав, вновь принесли ему. Шел какой-то старый фильм пятидесятых годов. Андрей Палыч ворочался у себя на кровати, бормотал что-то тихо, но вдруг поднялся, подошел к телевизору, выключил его, затем повернулся к Кешке, протянул руку.

– Позвольте!

– Что? – не понял Кешка.

– Книжку вашу позвольте.

– Зачем? – опять спросил Кешка.

– Не видишь, что ли, крыша у Палыча поехала, – ухмыльнулся Сашка.

Кешка протянул книгу.

– Спасибо, – галантно поклонился Андрей Палыч и бросил книгу на свою кровать. – Что же мы делаем, ребятки? Какой дурью маемся! Мы что, совсем ополоумели? Мы хоть думаем о чем-нибудь или так просто слюну жуем!

– Не понял, – напрягся Сашка.

– Думайте!

– Сам-то знаешь? – спросил Сашка.

– Не знаю! – вдруг закричал Андрей Палыч. – Откуда мне знать! А вот сдается мне, что посмотрели они тогда на ту Россию – с одной стороны дворцы, лестницы белые, лакеи в перчатках, бабенки чистенькие да улыбочивые, язычок французский, а с другой стороны что?

– Что? – обозлился Сашка.

– Г...на по колени, вонь, рожи мерзопакостные, пьяные свиньи о двух ногах в лужах, да жрать постоянно хочется. Постоянно!

– Ну и что теперь? – злился Сашка.

– А ничего! И пошли они все крушить! По матери к едрене-фене! Но вот что я не могу понять. Ладно, та Россия не за нашим окном была. А вот сейчас что? Какая Россия? Ларьки, банки, иномарки эти долбанные, бритые мальчишки – сытые, презрительные, с ухмылочкой до ушей. Проституты философствуют. У некоторых голубизна аж из ушей прет...

– Палыч, подожди, – попробовал остановить его Сашка.

– Наркуши эти дохлые в подвалах валяются. Детишки зачуханные на улицах милостыни просят. А эти, наверху, улыбаются, руками разводят, – ниче не можем, ниче не можем. Все опять разрушается, но как мило и как вежливо. А на вежливость как-то и рука не поднимается.

– Палыч, ты нормально себя чувствуешь?

– Я ничего сейчас не понимаю! Все перемешалось. Тогда хоть верх и низ были... хотя верх и сейчас есть. Вот только в середине и внизу сейчас вонючая каша. Но все наверх прут, а что там? Иномарки, бабы, баксы, где все купить и продать можно. Это и страшно, что – все. Честь, друга, любимую женщину, детей своих заложить, дело свое забросить, руки свои золотые порешить, которые вон Моцарта так услышать дадут, что слезы на глазах. Или вон с того света вытащат. Что нам подсовывают, ради чего все это и для кого мое, да и ваше поколение навозом должны служить, удобрением, блин... Я понять хочу!

– Палыч, заткнись, а? – устало попросил Сашка.

– Подожди, Сань! Ну, понятно, что мест там наверху мало, не все впихнуться могут. Вот и пускают туда только тех, у кого уж очень большая склонность к этому есть. Впихнувшись, они живут нормально. По статистике таких пять процентов кажется. А остальные! Кому на всю эту ерунду начхать, кому на хрен все это не надо. Для них вот и крутят старые фильмы. Дескать, вы там поживите, смотрите, как все хорошо и прелестно. Не хотите наши фильмы смотреть, а хочется западного чего-нибудь, так пожалуйста вам оперы замечательные. Что называли их мыльными, так ради развлечений. Кто выживет – просим в палаты белые, чистые. Кто же не выживет, тем «мноо-огая ле-е-ета», – заорал Андрей Палыч и выскочил из палаты.

Они помолчали, прислушиваясь. Слышно было, как в курилке бубнит Блинкомпот. Долго не было ответов на его восклицания. Но и там не выдержали, взорвались несколькими голосами одновременно. Кто-то быстро пошел по коридору, кроя «по матери» всех и все.

Ночь прошла беспокойно. Ворочался Андрей Палыч. Скрипел зубами Сашка. Кешке было тяжело и тоскливо.

На следующий день все повторилось вновь.

– Надо его снова по башке гирей долбануть. Может быть, тогда успокоится, – смеялся Сашка.

Врывался с очередной новостью Андрей Палыч.

– В тридцать вторую палату еще одну бабушку привезли, – кричал Блинкомпот. – Работала в общественном туалете. Стучатся к ней две девки. Бабушка, мол, пусти, за нами гонятся. Та, добрая душа, пустила. А они, пацанки, отмутузили бабулю за милую душу и убежали. За что? Почему? Я вас спрашиваю? Не знаете! – и он опять убежал.

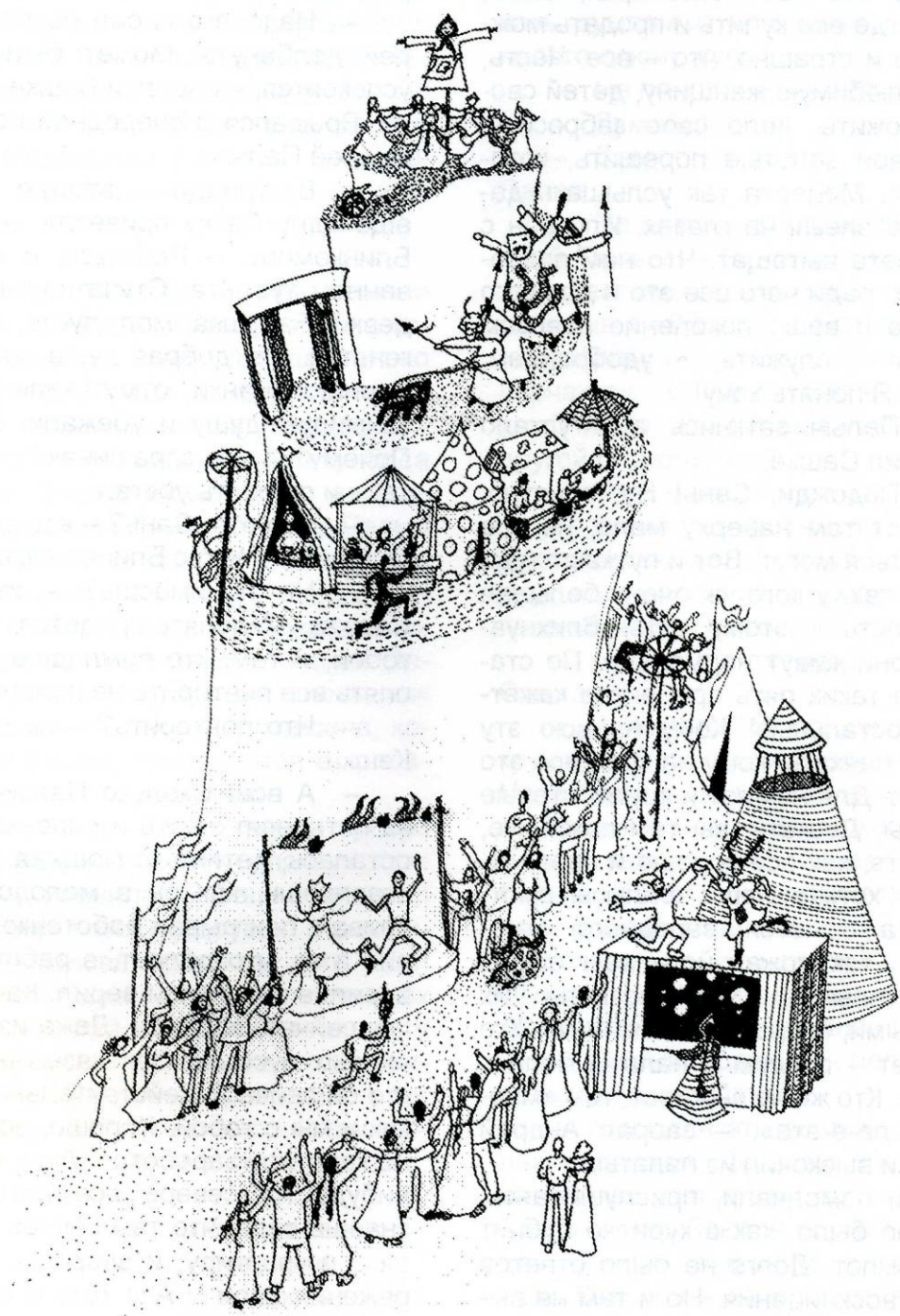
– Что это, Сань? – все удивлялся Кешка. – Что с Блинкомпотом?

– Не понимаешь? – хмурился Сашка. – А понять придется. И нам с тобой, и тем, кто помладше. Как бы опять все повторить не пришлось.

– Что повторить? – не понимал Кешка.

– А все! Сколько Палычу лет... за пятьдесят? Хоть и силенка у него осталась, детина-то мощная. А представляешь, как он в молодости наяривал, поигрывал работенкой. И верил в то, что делает, в работу свою верил, в силы свои верил. Как и многие сейчас, впрочем. Даже из тех же «новых русских» так называемых. А кто он сейчас? Действительно навоз, как и мы с тобой. Хорошо, если хоть на квартиру заработал. А те, кто где-нибудь на севере все потеряли... знаешь ведь, что там сейчас творится... и квартиру, и здоровье, и сбережения свои... А у кого и бандиты всех мастей все поотнимали. Под старость лет «яко нагих» оставили. Куда им теперь идти? В бичи, в бомжи, в грязь, в г..., и у которых уже ни

кто не спросит – как вы это долбаное государство великим сделали, богатство ему на тот срок, что вам судьбой отпущено, добывали. И которое сейчас или за границу ушло и уходит, или к лапам наших козлов прилипло.

– Но надо же и вправду что-то делать, Сань? – вскидывался Кешка.

– Вот и делайте, – отворачивался Сашка.

– Но что?

– Не знаю я, Кешка, – Сашка уставал от таких разговоров. Боялся их, долго потом и тяжело мучился бессонницей, но избегать их не хотел. – Не знаю. Да хоть кто-нибудь знает?

Но опять вривался Андрей Палыч.

– У Довлатова, между прочим, есть такие строчки, – кричал он, – «Не важно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом чувствуем. Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает». А мы себя говнюками ощущаем. Так и знайте, – он присаживался на минутку, сосредоточенно о чем-то думал, но вновь вставал. Убегая, грозил кому-то кулаком.

Через полчаса в палату заглядывала Морпех. Поматерившись немного, она признавалась и в своем бессилии успокоить Блинкомпота.

– Он уже в терапии на четвертом этаже. Уже там его слышно, – говорила она, покрыв всю эту «ентову» палату прощальной «милочкой».

– Да-да... – вздыхал Кешка. Молчал Сашка Морозов.

Через день «бунт» прекратился сам собою. Андрей Палыч замолчал. С достоинством отказался от завтрака и обеда. Молча лежал у себя на кровати, временами тяжело ворочаясь и вздыхая. И только к вечеру он поднялся, улыбнулся по-прежнему ласково и немного печально, но все с той же хитринкой.

– Напугал я вас? – спросил Блинкомпот. – Ничего... За пуганного двух непуганных дают. Только вот что запомните, ребятки. Крепко запомните. Вот у кого здесь, – он показал себе на грудь, – есть или еще осталось дорогое лекарство, тот и выживет. И берегите его, потому – купить его за деньги нельзя. Продать можно. Но купить!.. Не отпечатали еще таких денег, на которые душу свою купить можно было. Понимаете, о чем я толкую?

Кешка кивнул.

– А вот те, кто уже продал ее... за хлам, за дешевку, а еще того хуже – за фальшивку, тот сейчас в агонии-то и мечется. Потому – страшно помирать в пустоте своей, в темноте. Страшно! Обидно только, что, слыхая, они того, кто поближе, душить да жечь примутся. И не важно – ребенок ли это, мать чья-то или родной для кого-нибудь человек. Им уже все равно будет умирать страшно... Эх, сколько еще замечательного народу ляжет! Без числа...

Шли дни. Стравинский очень скоро обещал Кешку выписать. И тот теперь мучился от ожидания, долго не мог уснуть, тревожился от чего-то. А тут на площади по вечерам кто-то догадался большие костры разводить, уничтожая накопленный за день мусор. Каждый вечер теперь палата освещалась тусклым беспокойным светом, шевелились тени над кроватями.

Кешка тосковал.

В один из таких вечеров Андрей Палыч вдруг сам попросил Кешку рассказать что-нибудь.

– Сказку расскажи какую-нибудь красивую, – улыбался Андрей Палыч. – А мы с Сашкой помечтаем немного. Да, Сашка?

– Помечтаем, – откликнулся Сашка.

Кешка был рад. Есть такой особенный час в больницах, когда пациенты, выспавшись за день, еще не могут заснуть, но время позднее – час ночного сна, вокруг все затихло. В такие минуты оброненное кем-то невзначай слово часто помогает скоротать время. Слегка поддерживаемый разговор постепенно и незаметно, словно крадучись за тобой, усыпляет. Именно в такой час Кешка и принялся рассказывать Сашке и Андрею Палычу то, что слышал от других, вспоминал записи своих институтских конспектов. Сказки Гофмана и Андерсена; рассказы Чехова, Булгакова, Бредбери, повести Тургенева, Куприна, Горького; два вечера посвятил тому, чтобы рассказать роман Вейса о жизни Моцарта. Кешка любил и умел рассказывать, старался придавать предложениям яркую и закругленную форму, где-то присочиняя, где-то подбавляя красок (не без этого). Закрутит, разожжет мужиков, они схватятся между собой, фантазируя и мечтая, а Кешка тем временем под их горячий шепоток спокойно и уснет, улыбаясь в беспокойную темноту.

Наступил последний Кешкин вечер в больнице. Утром Стравинский обещал выписать. Напились чаю, выключили свет, улеглись.

– Сегодня я вам расскажу вот что, – начал Кешка, закинув руки за голову. – Расскажу я вам что-нибудь героическое, что на память придет. А пришла мне на память очень давняя история. Еще до рождества Христова она случилась. А именно в четыреста восьмидесятом году до нашей эры.

– Ого-го! – рассмеялся Андрей Палыч. – Куда тебя занесло!

– Между прочим, слово я вам не давал, – обиделся Кешка и продолжил. – Чтобы вам понятнее было, я

начну с небольшого предисловия. Только вы меня не перебивайте, а то я сам не очень-то все помню.

– Наврет, – улыбнулся Сашка.

– Наврет, подлец, – поддержал его Блинкомпот.

– Существовало когда-то, а именно в шестом веке до нашей эры, царство Ахеменидов, – начал рассказывать Кешка. – Правил тем персидским царством Дарий Первый. И царство то было одним из самых мощных государств того времени. А самым близким соседом той державы была маленькая Греция. Удивительная страна! Богатая, красивая, щедрая, с красивейшей, потрясающей культурой, но разорванная на многие кусочки, города-полюсы... одним словом, ограбленная ссорами да мелкими войнами. Вот Дарий и решил завоевать эту страну. Собрал громадную армию, пошел войной на Грецию. Но случилось несчастье – флот, который должен был поддерживать сухопутные войска и на борту которого находился весь провиант, в одну ночь страшная буря разметала в щепки о прибрежные скалы.

Дарий вновь собрал войско и потерпел поражение на Марафонской равнине в девятьсот сороковом году.

Третье вторжение персов относится как раз к девятьсот сороковому году. Дарий умер. На трон взошел его сын, царь Ксеркс. Теперь уже он собрал войско, невиданное по тем временам – оно насчитывало до двухсот тысяч воинов, великолепно вооруженных, прекрасно обученных воинскому искусству.

Весной Ксеркс выступил в поход... – Кешка улыбнулся. – Сейчас я буду говорить древние названия, но вы потерпите, потому что это красиво... Они переправились через Геллеспонт, прошли все Фракийское побережье и Македонию, а затем через

Фессалию устремились в Среднюю Грецию...

– Ты как все это запомнил? – перебил его Андрей Палыч.

– А у меня память такая! – похвастался Кешка и продолжил. – Единственная дорога к намеченной цели вела через Фермопильское ущелье. Сюда греками был выслан небольшой отряд тяжело вооруженных пехотинцев-гоплитов...

– Как ты их обозвал? – рассмеялся Блинкомпот.

– Палыч: задушу! – крикнул Сашка. – Давай, Кешка.

– ...и триста воинов-спартанцев во главе со спартанским царем Леонидом. И это против громаднейшей армии! Но у греков была своя цель. Не решающее сражение, а им необходимо было проверить боевую готовность персидского войска. И произошло невероятное! В течение четырех суток небольшой семитысячный отряд сдерживал двухсоттысячную армию, свирепеющую с каждым новым поражением. Леонид оказался гениальным полководцем. Он перестраивал своих воинов, маневрировал, ложно отходил, и когда персы, ликуя, бросались вперед, он выстраивал свою фалангу и бил их прямо в сияющие доспехами ряды, сминая их, обращая в бегство.

Ксеркс бесился, негодовал, рвал и метал, но все оказывалось бесполезным. Парадокс! Дошло до того, что персы отказывались идти в бой и их гнали вперед бичами. Ксеркс бросил в бой свою знаменитую, не знающую поражений гвардию бессмертных, но и она отступила.

Что делать? Позорно отойти или оставить на этом проклятом месте всю свою шикарную армию? Но Ксеркс, подумав, поступил как настоящий мудрый политик – он нашел предателя, одного фессалийца, ко-

торый и показал его армии обходной путь. За большие деньги, разумеется. Поражение греков стало неизбежным. Леонид приказал отойти большей части своих воинов, чтобы спасти им жизнь, но многие остались. А вот спартанцам закон запрещал покидать поле, что бы ни случилось. Или победителем или мертвым. Все погибли. До единого человека.

– А дальше что? – тихо спросил Алексей Палыч.

– Персы прошли ущелье, здорово пограбили Грецию. Но только через год их опять так потрепали, что Ксеркс и не мечтал больше о новой войне.

– Проучили, значит? – спросил Андрей Палыч.

– Проучили.

– Эх... блин-компот... и что ты меня опять раззудил войной этой своей! Только успокоился!

– А что? – заинтересовался Кешка.

– Да ничего... Только теперь уже на нас прут эти персы новоявленные, со всей своей громадой прут. Да только мало у нас этих ущелий осталось. Как оно называлось?

– Фермопильское.

– Теперь все больше предателей этих, блин-компот. Вот черт побери! Да-а.

– Что да? Что да? – вдруг закричал Сашка. – Что ты здесь раздавался! Философ хренов! Достал уже, понял? Тварюга!

– Сань, ты чего? – перепугался Кешка.

– А ты вообще заткнись! Рассказчик! Нарассказывал тут! Гадина! – и вдруг он заплакал, сильно сжав лицо руками. – В морду бы таких рассказчиков! В морду! В морду!!

– Сань, – Кешка подсел к нему. – Саня...

– Палыч, уведи его! Оставьте вы меня! – попросил Сашка, с силой смахивая слезы кулаком. – Что вы со мной-то делаете! Сначала один, потом другой! Что я вам-то сделал! Пошли вон отсюда!

Андрей Палыч потянул Кушку за рукав, кивнул.

Они вышли в курилку, достали сигареты, закурили. Долго молчали.

– Ты почему эту историю-то вспомнил? – спросил Андрей Палыч.

– Не знаю, Палыч, честное слово, не знаю. Сама собой вспомнилась.

– А где вычитал?

– В учебниках.

– Растрезвонили мы парня. Сначала вон я, а потом и ты. Не выдержал Санька. Каково знать про себя такое, молодому. А история интересная.

Опять помолчали. Неожиданно в курилку заглянула бабушка Ильина. Посмотрела на них, головой покачала, дальше побрела. Андрей Палыч вдруг зябко поежился, бросил недокуренную сигарету, закурил новую.

– Знаешь, Кешка, – сказал он. – Что-то я эту Ильину бояться стал, ей-богу. Бродит все, бродит. Ночью проснусь – поет, тапками шаркает. И до того мне тоскливо станет, хоть под кровать залезай.

– Ну, Палыч, у тебя действительно крыша поехала, – рассмеялся Кешка.

– А ты не смейся, – остановил его Андрей Палыч. – Ходит, бродит, заглядывает зачем-то в палату, стоит, смотрит на меня. Я у нее спрашиваю, что, дескать, надо... она только башкой закивает и петь мне начнет. Стоит и поет. Тихо поет, еле слышно,

словно вас разбудить боится. Вот жуть!

– Палыч! – удивился Кешка. Смотрел на большого румяного Блинкомпота и не знал, что сказать. Пошутить ли как-нибудь повеселее или серьезно принять страх Андрея Палыча.

Но он сам вдруг рассмеялся, увидев выражение Кешкиного лица. Хлопнул по плечу.

– Брось, Кешка! Мальчишка и есть – так взять и перепугаться. Шучу я, дружок, шу-чу.

Они еще долго стояли у окна. Разговаривали. Смотрели, как падает снег за окном, как тихо толкает окно ветер.

Утром Кешку выписали.

А через неделю, оторвавшись от дел, он пошел навестить приятелей. Как-то неожиданно и беспокойно потянуло. Накупил овощей и фруктов, сам великолепно зажарил огромную утку специально для любившего вкусно поесть Блинкомпота. Приготовил из ярко-красных роз букет для Марьи Петровны.

Пришел. И узнал, что через два дня после Кешкиной выписки Андрей Палыч умер – сердце. Растрезвонила всех бабушка Ильина. Закричала что-то, стоя в дверях палаты, плача или смеясь – не разобрать. Долго не пускала никого, билась в руках, заграждая дорогу. Наконец с большим трудом ее увели, успокоили. Андрей Палыча вынесли.

Все вновь затихло. Только метались по палатам тени от суетящихся вокруг костров людей, да проезжающие машины лишь на мгновения освещали запорошенные снегом окна и белые больничные палаты.

МАСТЕРСКАЯ ПЕРВОЦВЕТА

Александр Попов

ДЕТСТВО

Отрывок из романа «Дом»

Юрию часто стало вспоминаться детство. Он словно бы искал в нем то истинное, что нужно нести детям, воспитанникам. Он искал новый путь в жизни, в педагогике, и его детство как бы должно было ему помочь. Вспоминалось все как-то кусочками, но они грели сердце и настраивали духовный поиск на какой-то новый лад. Хотелось измениться и изменить жизнь вокруг себя.

...Шла игра в «войнушку» в сосновом леске: здесь у них были шалаши-штабы... Разделились на красных и синих. Юрику выпало быть синим. Красные ушли в глубь леса, а синие должны были их искать. Командиром у синих был Вовчик Малов. Его никто не выбирал, — такие самолюбивые, сильные ребята становятся первыми во многих делах как-то сами собой, и никто этому, как правило, не противится.

До некоторых пор Юрий во многом следовал Вовчику, старался походить на него. Юрику нравились его напористость, умение повести за собой ребят, его серые

беспокойные глаза и с большой черной родинкой лоб, который он морщил и тер, когда размышлял. Вовчик не любил умываться и совсем не следил за своей внешностью. И Юрий сначала как-то незаметно для себя, а потом и умышленно тоже перестал расчесываться по утрам, мама как-то даже поставила его в угол: он в то утро наотрез отказался умываться.

Юрик старался делать для Вовчика приятное, что тот принимал от него как должное, ничего не давая взамен. Видя его преданность, относился к Юрику покровительственно, и Юрий его отношение стал воспринимать как дружбу. «Я с Вовчиком делал вместе то-то и то-то. Мы с Вовчиком ходили туда-то и туда-то», — говорил он всем с затаенным в душе тщеславием. И еще больше верил в эту странную дружбу.

Вовчик мог небрежно сказать:

— А ну-ка, Юрий, слетай туда, принеси мне вон ту штуку.

И Юрий бежал со слезами на глазах и говорил себе, что не уни-

МАСТЕРСКАЯ ПЕРВОЦВЕТА

Александр Попов

ДЕТСТВО

Отрывок из романа «Дом»

Юрию часто стало вспоминаться детство. Он словно бы искал в нем то истинное, что нужно нести детям, воспитанникам. Он искал новый путь в жизни, в педагогике, и его детство как бы должно было ему помочь. Вспоминалось все как-то кусочками, но они грели сердце и настраивали духовный поиск на какой-то новый лад. Хотелось измениться и изменить жизнь вокруг себя.

...Шла игра в «войнушку» в сосновом леске: здесь у них были шалаши-штабы... Разделились на красных и синих. Юрику выпало быть синим. Красные ушли в глубь леса, а синие должны были их искать. Командиром у синих был Вовчик Малов. Его никто не выбирал, — такие самолюбивые, сильные ребята становятся первыми во многих делах как-то сами собой, и никто этому, как правило, не противится.

До некоторых пор Юрий во многом следовал Вовчику, старался походить на него. Юрику нравились его напористость, умение повести за собой ребят, его серые

беспокойные глаза и с большой черной родинкой лоб, который он морщил и тер, когда размышлял. Вовчик не любил умываться и совсем не следил за своей внешностью. И Юрий сначала как-то незаметно для себя, а потом и умышленно тоже перестал расчесываться по утрам, мама как-то даже поставила его в угол: он в то утро наотрез отказался умываться.

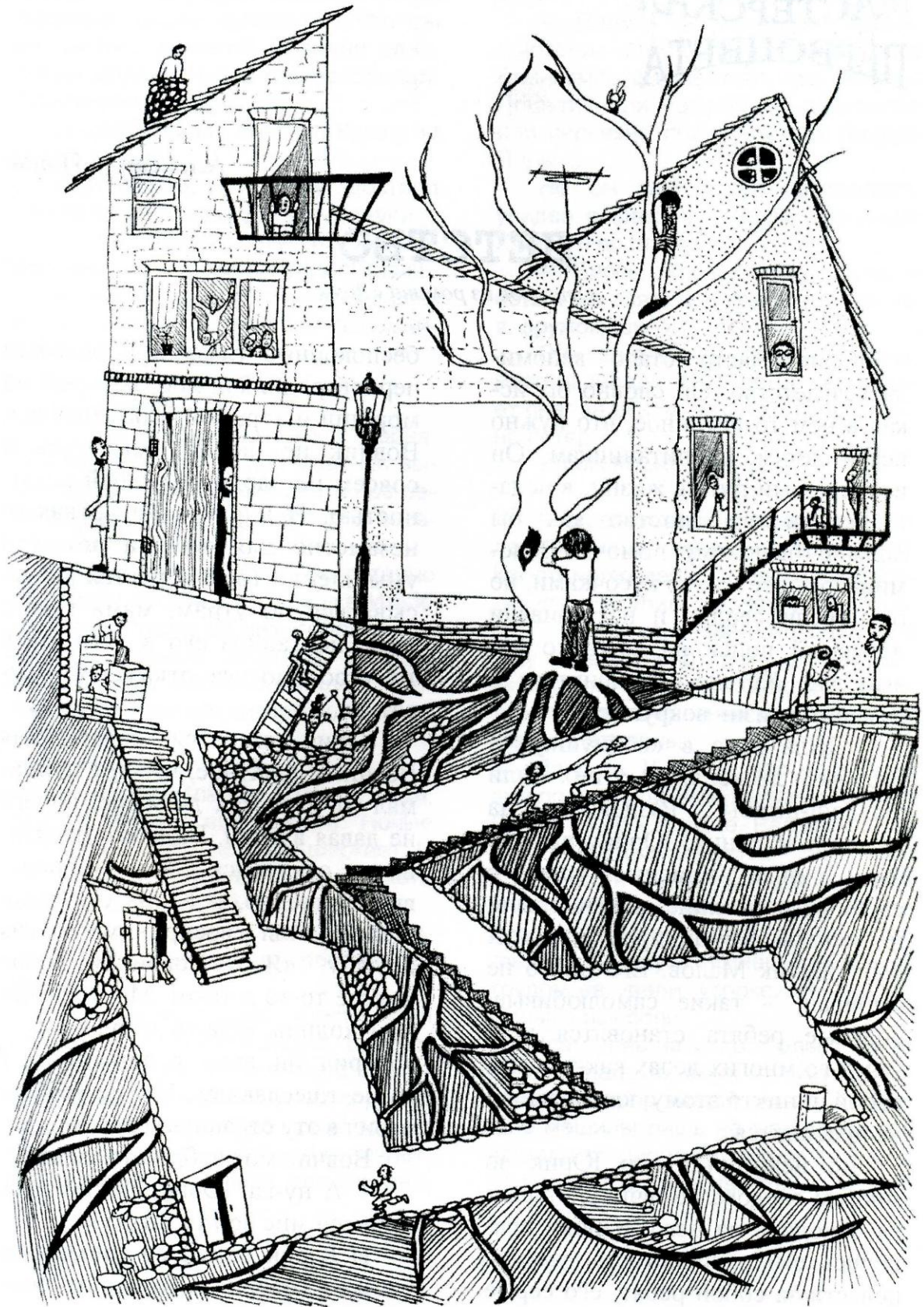
Юрик старался делать для Вовчика приятное, что тот принимал от него как должное, ничего не давая взамен. Видя его преданность, относился к Юрику покровительственно, и Юрий его отношение стал воспринимать как дружбу. «Я с Вовчиком делал вместе то-то и то-то. Мы с Вовчиком ходили туда-то и туда-то», — говорил он всем с затаенным в душе тщеславием. И еще больше верил в эту странную дружбу.

Вовчик мог небрежно сказать:

— А ну-ка, Юрий, слетай туда, принеси мне вон ту штуку.

И Юрий бежал со слезами на глазах и говорил себе, что не уни-

жается, что в дружбе так должно быть: для друга – все. Но долго так продолжаться не могло...

Вовчик стал выбирать начальника штаба. Юрику очень хотелось, чтобы он выбрал его как своего друга. Вовчик эгоистично медлил.

– Давай, Вовчик, живее, – сердито бурчали ребята.

– Сейча-а-а-ас, – хитро прижмуривая то правый, то левый глаз, говорил Вовчик и морщил выпуклый, пыльный лоб, как будто делал в уме сложные и важные прикидки.

– Вот ты, – лениво ткнул он пальцем то ли в Юрика, то ли в Петьку. Сердце Юрика вздрогнуло, он покраснел: «Неужели меня?!»

– Хватит ломаться, как блоха, – разозлился белобрысый Петька и с важностью поправил на боку деревянный наган и солдатский ремень, который он уж очень часто поправлял, щеголяя им.

– Ладно, ты, – указал Вовчик, наконец, ясно на Петьку.

Юрику стало обидно. Он поскакал на лошади – длинной, с венником вместо хвоста рейке по поляне, веселяще «игогокая» и рубя деревянной саблей траву. Но обиду трудно было обмануть.

Вовчик и Петька, посовещавшись, назначили командиров взводов. Юрик остался простым бойцом. «Может, знаменосцем выберут?» – подумал он и неожиданно всхлипнул. Но тут же спря-

тал глаза и шмыгнул носом: второй звук должен был убедить тех, кто на него удивленно посмотрел, что первый звук был не всхлипом. Но второй, кажется, походил на всхлип. Все посмотрели на Юрика удивленно, и под их взглядами он ощутил, как жарко загорелись у него уши.

Вовчик бросил Юрику, забравшись в шалаш, в котором должен был состояться военный совет:

– Будешь моим денщиком. Гордись!

Юрик почувствовал в голове неприятное кружение, и им вмиг овладело чувство гнева.

– Не буду.

Юрик не узнал своего голоса – он был глух и дрожал.

Вовчик, оттопырив губу, посмотрел на Юрика. На веснушчатом лице Вовчика появилась улыбка, которая как бы говорила: «Ясно, ясно, вот ты, оказывается, какой!» Небрежно сказал:

– Тогда... как его?... ефрейтором. Согласен?

– Согласен, – буркнул разочарованный Юрик.

Всего этого он не ожидал от Вовчика и с горечью понял, что он для него не друг, а просто исполнитель его капризных желаний.

На совещание командиров Вовчик пригласил и Юрика как ефрейтора. В тесном шалаше было пятеро пацанов. Сидели согнувшись. Вовчик же развалился возле большой карты мира и с важностью говорил, держа во рту огрызок карандаша, как папиросу:

— Товарищи командиры, начальник штаба и ефрейтор, перед нами стоит сложная боевая задача: силами двух взводов разбить сегодня гадского противника. Сначала сделаем рекогносцировку, гх. — И значительно всех оглядел. Кашлянул по-мужски грубо и громко. Никто не спросил, что означает это чудное, заковыристое словцо, но, услышав его, все сразу стали что-то из себя изображать, приняли более командирский, мужской вид. Лично Юрика слово так очаровало, что он весь невольно подтянулся, сдвинул брови к переносице и сжал эфес деревянной сабли.

Вовчик водил карандашом по контурам Африки:

— Первый взвод зайдет противнику с тыла, пощекотит его и увлечет за собой. А мы, остальные, двинем на шум и застанем их врасплох. После войнушки отличившиеся будут награждены. У меня есть три шоколадные конфеты. Все!

Все надели рубашки и футболки как бурки, завязав рукава на шее, и стали объезжать своих боевых речных лошадей.

Знамя Петька вручил неповоротливому Лехе. «Нашел кому!» — проворчал Юрик про себя, не без зависти посмотрев на Леху, в руках которого сияло алое со звездой знамя. Впрочем, стремление поскорее ринуться в бой было в те минуты сильнее всех остальных стремлений. А желание подвига настолько разгорелось в Юрике,

что он уже не мог остановиться в мыслях на каком-нибудь другом, тем более таком мелком, как зависть, чувстве. Он гарцевал по поляне на своей деревянной, но горячей лошади и сдерживал ее за веревочную уздечку: она все становилась на дыбы и воинственно ржала.

— Давай команду вперед, — сказал он Вовчику, который замешкался, привязывая отпавший хвост своей лошади. — Видишь, как моя рвется! Скорей же!

— Да сейчас! — с досадой на свою обесхвостченную лошадь бурчал Вовчик, пыхтя над старым, истрепанным веником.

Пока Вовчик занимался этим некомандирским делом, Юрик и Петька соревновались, чья лошадь проскачет быстрее. Они пронеслись по поляне туда-обратно несколько раз, настегивая прутами, чтоб резвее были, своих и без того резвых лошадей. В последний забег — а во всех предшествующих победил Юрик — Петька пошел на нечестность: не добежав до условленного знака метров пять, повернул назад, к финишу, и, прибежав к нему, закричал: «Победил!» Юрик раскрыл было рот, чтобы возмутиться, но, наконец, раздалась долгожданная команда, и он махнул на своего плутоватого начальника штаба рукой.

— По коням! — уверенно и громко скомандовал Вовчик, да так красиво, почти как в кино, у него получилось, что Юрик залюбовался им.

Открытие, что Вовчик совсем ему не друг, не настроило к нему холодно или враждебно, лишь остался на душе осадок чего-то непривычно-грустного.

Пацаны пробирались сквозь заросли цепкого кустарника и тонких, тесно стоявших сосен. Сердце Юрика при подозрительных звуках со стороны замирало. «Ну, начинается!» – всякий раз думал он. Желание совершить что-нибудь геройское, красивое росло и ширилось в нем.

В мечтах он уносился так далеко, такой блеск стоял в его воспаленном сознании, что с трудом понимал, о чем говорят товарищи, и даже не замечал под ногами бугров и ям. Два раза упал со своей присмирившей – наверное, тоже мечтавшей – лошади и содрал колено. Разведчики цепочкой, согнувшись, ушли вперед, а остальные крадучись «ехали» вслед.

Неожиданно из зарослей сосен полетели комки глины. Кидали двое мальчишек. Один комок угодил Лехе в грудь. Он мешком рухнул на колени, отшвырнул знамя и навзрыд заплакал. Ко лбу Юрика звонко припечатался глиняный комок. Пять-семь секунд он стоял буквально оглушенным. Вспыхнувшие от удара перед глазами ярко-зеленые пятна ослепили. Все виделось, как в полусне.

Ряды смешались.

Наконец ясность сознания пришла к Юрику, и взгляд замер

на Лехе, который стоял на коленях и, хныча, очищался. Рядом с ним валялось знамя. Никто его не поднял. Все, не обращая внимания на кидавшихся мальчишек, всматривались в противоположную от них сторону, на старый деревянный дырявый забор, за которым торчала полуразрушившаяся печка давно сгоревшего дома. Не понимая толком, что и зачем делает, Юрик подбежал к знамени и схватил его. «Ура-а-а!» – закричал он и ринулся на противников. Юрику казалось, что нужно делать именно это.

– Куда? Назад! Черт с ними! – кричал Вовчик.

Но Юрик крикнул:

– За мной!!

Те двое чему-то смеялись и не спеша отходили к густым зарослям сосен, изредка бросая комки. Остановились. А Юрик с огнисто бьющимся знаменем бежал на них и выкрикивал: «Ура!» В его голове вспыхнуло: «Была бы здесь мама или кто другой из моих – они увидели бы, какой я храбрый герой. Храбрее всех!»

Только промелькнула мысль, как вдруг... Как вдруг Юрик взлетел и его швырнуло на землю. Глянул назад – меж трех сосен натянута веревка. Его отряд всюю сражался. Петька, отбиваясь от нападающих красных, которых было намного больше, чем синих, – первый взвод оказался далеко, – морща свое смуглое, страшное сейчас лицо, кричал:

– Знамя! Черт! Юрка! Сюда! Ну!

После Юрик узнал, что красные хотели двумя мальчишками увлечь часть отряда синих в глубь леса, а на оставшихся напасть неожиданно, разделаться по частям. Только Юрик кинулся на подмогу, как что-то тяжелое, сопящее влипло в его спину, рывком задрало его подбородок и зашипело в самое ухо: «Обманули дурака на четыре кулака!» Это был один из тех, завлекших его мальчишек. Другой вцепился в знамя. Но Юрик держал крепко. Древко хрустнуло. Мальчишка бежал со знаменем и кричал: «Ура! Знамя у нас! Победа!»

«Все!» – скользнул по нервам страх. По правилам игры отряд, потерявший в бою знамя, считался побежденным.

– А-а-а! – крикнул Юрик в отчаянии, пытаясь освободиться, но мальчишка был очень сильный, держал крепко, скрипел зубами.

«Что я наделал?! Все конечно!»

Мальчишка повалил Юрика на траву, и он лежал как труп, ничего уже не желая и тупо лоя взглядом пыльную травинку.

Вскосмаченного, связанного Вовчика куда-то провели мимо Юрика. Вовчик зло глянул на Юрика и глухим недетским голосом выжал:

– Н-ну... т-ты... дубина.

«Что делать? Как провалиться сквозь землю?! Я никогда, никогда себе не прощу!»

Он долго стоял неподвижно.

Кто-то пнул его, но несильно. «Еще раз! Ну? Сильнее!» – хоте-

лось крикнуть ему. Он, как от боли, крепко сжал зубы и вдруг со всех ног пустился бежать. Нырнул в маленькую пещеру, вырытую в обрывистой супесной стене карьера, и, уткнув лицо в ладони, до боли в груди всхлипнул.

В пещере было сумрачно и сыро. Густо пахло плесенью. На мокром истлевшем сене копошились и сердито жужжали черные мухи. Иногда он прекращал плакать и зачем-то смотрел на какой-нибудь камень, который торчал в стене напротив. Смотрел, смотрел и снова всхлипывал. Грязным кулаком растирал по лицу горячие слезы. «Вот возьму и останусь здесь жить. – Это была первая ясная мысль. – Буду всегда один!»

Увидел бегущего мимо убежища песика Максимку. Он был в кругу бездомной своры собак, которые направлялись, видимо, на поиски пропитания. Максимка помахивал крючковатым грязным хвостом и пытался играть с собаками, которые щерились на него и отбегали в сторону. «Вот же привязался!» – словно говорили они своим видом.

– Максимка! – крикнул Юрик сквозь слезы.

Песик остановился, посмотрел на Юрика, склонив мордочку, потом – на своих удаляющихся, как серая туча, товарищей, твякнул Бог знает что и побежал во весь дух к мальчику. Он горячим языком «целовнул» его губы. Юрик обхватил его и прижал к груди. Песик игриво дергался и извивал-

ся, намереваясь лизнуть. Потом замер на несколько секунд, и его взгляд ясно сказал мальчику: «Что же ты? Ведь любишь меня, так почему же не хочешь целоваться?»

Незаметно Юрик перестал плакать. Как освежают душу слезы! Он стал наблюдать за блестящими перед глазами радужными лучами, которые попадали через пролаз. По пояс высунулся из пещеры.

По синему-синему небу перекатывались причудливые белые облака. Вылез полностью. Вытер кулаком подсохшие слезы, очистился от глины, глубоко вздохнул, потрепал за рваное ухо разыгравшегося Максимку...

...Купалось в белых прохладных облаках солнце. Юрик на даче; собственно, дачи как таковой еще нет, только фундамент. Юрик жмурился и смотрел, как обнаженный по пояс отец в пыльных кирзовых сапогах строит баню: медленно, тяжело идет к длинному бревну. Подставил под него лом и... мускулы на коричневых бугристых руках вздулись, красивое, с густыми бровями лицо как бы набухло. Афанасий Ильич сжал зубы. Юрик весь напрягся, словно на расстоянии помогал отцу. Вытянул свою тонкую загорелую шею и приподнялся на цыпочках: а вдруг папа не осилит? Но вот огромное бревно вздрогнуло, что-то свирепо заскрипело под ним, хрустнуло, и оно неохотно, вроде как с неудовольствием, покатилося к другим брев-

нам. Отец медленно выпрямился, к нему подошла улыбающаяся мама и подала большую кружку с молоком. Юрик заулыбался и с застенчивым в душе тщеславием покосился на своих товарищей мальчишек: как они смотрят на его отца? Небрежным щелчком Афанасий Ильич сбил со своего крепкого обнаженного плеча, на котором глянцевиито блестел пот, комара и медленно, тяжело, но не устало пошел к другому бревну. Мигнул и улыбнулся сыну и мальчишкам.

Ребятня побежала к Иркуту, Юрик – за всеми. К босым ступням липла грязь: недавно сек недолгий, мимолетный, с молниями и громами дождь. Свистели и вразнобой скакали в руках вприпрыжку бежавших мальчишек удочки. Рыбачить уселись возле железнодорожного моста на бонах. Юрик, шуря от сверкающего солнца глаза, любовался кудрявым боярышником на той стороне реки. Над ней прозрачно курилась дымка. Юрик невнимательно, рассеянно смотрел на своей пробковый поплавок: ему больше было интересно то, что творилось вокруг. Вон с грохотом несется по мосту длинный разноцветный состав. Сесть бы в него! – и-и-и уехать в Индию. Покататься на слонах и – обратно. Ух, было бы здорово! Пронеслась по синей, вспыхивающей яркими бликами реке серебристая, как рыба, моторка. Проснувшиеся волны лизали берега и боны, щекотали босые но-

ги. Юрик смотрел на голубое небо, в котором одиноко парил большой коршун. «Вот бы так же!» – думал он и воображал себя летящим. Вдруг удочка медленно поползла по бону в воду. Он вздрогнул. Поплавок утонул. Юрик обеими руками схватил удилице и потянул его. Леска всхлипнула, напряглась. Дрожащими от волнения руками вытянул на бревно небольшого скользкого налима. Ребятня окружала Юрика. Он улыбался и невпопад от растерянности отвечал на расспросы. Но пришли два больших пацана, которые рыбачили рядом, и отобрали налима. Юрик убежал в парк, долго и горько плакал в траве. Наплакавшись вволю, наблюдал за быстрыми серыми муравьями, которые деловито носились туда-сюда возле его лица. Было жарко и душно. Солнце пекло вовсю. Ему захотелось искупнуться. Невдалеке карьерные озера, и он побежал к ним по горячей пыльной тропке. Раздевался на ходу. Бросил на мягкий травянистый берег выгоревшие на солнце штаны, рубашку и бухнулся с головой в теплую душистую воду.

Досыта набегавшись, он только вечером появился на даче, в небольшой времянке, голодный и грязный. Сразу бросился к столу, но мама отогнала к умывальнику.

Ужин Юрик съел мгновенно и – бегом в сараюшку, которая была в огороде. В сараюшке тускло горела маленькая свечка, на кровати сидела десятилетняя, с тонкими

веревочками-косичками девочка – Натка, подружка Юрика по даче. Натка каждый вечер приходила в сараюшку к Юрику и пятилетнему Пете. Петя расширившимися круглыми глазенками смотрел в темные углы. Натка рассказывала страшные истории. Она замолчала, блестяще-серыми глазами строго, даже сердито взглянула на Юрика и сказала:

– Я тебя сегодня весь день искала. Мама дала мне утром конфеты, я хотела тебя угостить. – В ее тихом голосе не проскользнуло и нотки укора и раздражения, а была какая-то стыдливо скрываемая, кроткая радость, что друг наконец-то появился. Она вынула из кармашка короткого ситцевого платя карамельки и протянула Юрику. Он охотно засунул конфеты в рот.

– А почему ты не ешь? – спросил у девочки.

– Не хочу. Ешьте с Петькой. Я завтра вам еще принесу.

Натка сказала неправду: она хотела конфету, но ей сейчас было хорошо только потому, что приятно ее другу – сладкоежке.

Натка начала рассказывать другую страшную историю. Юрик присел на топчанок и наблюдал за дрожавшим огоньком свечки.

– Помните, я гостила у бабушки Веры в Тургутуе? – таинственно, тихо, почти шепотом говорила девочка. – Ну вот, как-то вечером пьем мы с ней чай. А уж темно было. Сидим без света. В окно месяц светит. Разговариваем

о том о сем. Вдруг!.. – Петя и Юрик вздрогнули. Брат прилип к Юрику. Юрик притворился, что не испугался, однако в темноту смотреть уже боялся. – Вдруг скрипнула дверь и стала медленно-медленно открываться. У меня от страха мурашки по телу забегали.

– А может, вошки? – пошутил Юрик, но тут же вздрогнул и замер: в дальнем самом темном углу кто-то копошился.

Петя отчаянно вцепился в Наткино платье, сама она прикрыла ладонями глаза и сквозь ресницы всматривалась в угол, откуда уже доносилось сердитое фырканье. Юрик подвинулся поближе к Натке, но когда на свет вышел старый, с обрубленным хвостом кот, скоренько вернулся на прежнее место.

– Ха, кого напугались! Эх, вы, трусишки, – сказал он и под хитреньким взглядом улыбавшейся Натки смутился.

– А сам-то, а сам-то! – закричала она. – Я же видела, как ты струсил.

– Ну, конечно! – не соглашался Юрик. Ему очень хотелось казаться перед Наткой смелым. – И нисколечко не испугался. Я же не девчонка. Рассказывай, да пострашнее.

– А не забоишься? – хитренько улыбалась она, сморщивая веснушчатый нос.

– Вот еще! Рассказывай.

– Что ж, слушай. Медленно открывается дверь, и входит в

комнату... белый светящийся скелет!

– Ха, ну, тут уже вранье, – улыбается Юрик.

– Не перебивай, а то не буду рассказывать. Вошел он и сел рядышком с бабушкой Верой. Мы онемели и окостенели! А убежать и крикнуть не можем. Скелет говорит: «Узнаешь меня, жenuшка? Я муж твой, Василий. Пять годов назад ты схоронила меня. Вот, пришел попроведовать». В глазницах у него синий свет пылает, черные волосы разлохмачены...

– О-ой, стрррашно, – прошептал Петя, крепко зажмуривая глаза и прячась за спину Натки.

– Что тут страшного! – молодцевато заявил Юрик, однако чувствовал, что жутко сидеть в стороне от Натки: было такое ощущение, что вот-вот высунется из-под кровати белая рука скелета и схватит.

– Заткни уши, – посоветовала девочка Пете. – Так вот, волосы лохматые, по черепу ползают черные, с большими глазами червяки и шипят, как змеи. «Хорошо ли живешь, Верушка?» – спрашивает скелет бабушку. И она вдруг говорит – а я не могу слова промолвить, хоть визжи от страха – «Слава Богу, Василий, живу потихоньку. Тебя каждый день вспоминаю. Ладно мы жили, друженько. Помнишь ли?» «Помню, Верушка, помню, – проскрипел мертвец и погладил бабушку светящейся рукой по голове. – Скажи, не обижает ли тебя кто?» «Не

е-е, Василий, ладненько я живу-
можу с людьми. Они меня любят,
и я их. А ты как тама, холодно и
сыро, поди?» «Холодно, Верушка,
и сыро». И грустно так покачал
черепом. «Взял бы ватник с со-
бой». «Нет, меня уж ничто не со-
греет. Ну, пора мне уходить. А
иначе мой хозяин, главный мерт-
вец, заругается». Вдруг за окном
сверкнула молния. Меня аж осле-
пило. Я зажмурилась. Открываю
глаза – скелета нет как нет, а ба-
бушка Вера на полу лежит. Я – к
ней. Она плачет и причитает: «Ва-
сильюшка, зачем же ты меня, горе-
мычную, бросил? Сиротинушка я
без тебя пропащая».

Девочка замолчала. Юрик хот-
тел было сказать: «Не ври! Ты бы
со страху умерла». Но ему вдруг
так стало жалко старика и ста-
рушку, что он не смог произнести
грубых слов, и захотелось несча-
стным, разлученным смертью ста-
рикам сделать что-нибудь хоро-
шее и доброе.

*

*

Натка ушла на свою дачу, и
Петя убежал во времянку к матери
и отцу, а Юрик погасил свечку и
долго смотрел в маленькое окош-
ко, в которое подглядывала боль-
шая круглая луна со смеющимся
раскрытым ртом и наивными рас-
ширенными глазами. На нее нава-
лилось черное облако, и Юрик
представил, что огромный зверь
проглотил беднягу луну. В сара-
юшке нежно пахло сушившимся
на сухари хлебом, смолистыми
дровами. За стенкой, в стайке, за-
шевелились отчего-то проснув-
шиеся куры, но вскоре угомони-
лись. Юрик прислушивался к ти-
шине и думал, что хорошо бы сле-
тать на луну. С этими сладостны-
ми мыслями и задремал сидя.
Приснился ему большой блестя-
щий карась, который хитро под-
мигивал крупным глазом и само-
довольно ухмылялся. «Ну что,
поймал меня? Я, браток, воробей
стреляный!» – словно говорил он
своим дерзким видом...

*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТРАНИЧКА ПЕРВОЦВЕТА

Григорий Рейнгольд

Встреча с поэтом

или

Размышления математика

Связь времен

Каждый раз, когда электричка подъезжает к станции Батарейная, мои дети прилипают к окну. Сейчас будут паровозы! Их очень много, они стоят на запасном пути, черные от сажи, и кажется, что время в этом месте давно остановилось. Уж сколько раз мы здесь проезжали, а все равно интересно. Сам собой возникает разговор о том, какие паровозы, вагоны, машины были в прежние времена. Какие были люди, как они одевались, чем занимались, во что верили, что любили, к чему стремились... Детям все интересно! Вот и на этот раз заранее готовимся к встрече. Но что это? Мы не можем узнать прежнего места. Паровозов нет! Сыновья мои готовы расплакаться. Я объясняю им, что, видимо, паровозы увезли на переплавку, чтобы сделать из них новые электровагоны. Много лет стояли они на запасных путях и были наготове, в исправности. Иногда их использовали по мелочам, в качестве маневровых, но теперь стало ясно, что они больше не понадобятся. Кажется, объяснение мое удовлетворило детей, и разговор переходит на другую тему... Но сам я думаю, что хоть один паровоз надо было оставить. Как памятник. Как

много вещей можно было бы сберечь для потомков. Им это было бы очень интересно. Разве нельзя было сохранить в исправном состоянии один самый старый иркутский трамвай? Он состоял из двух вагонов. Во втором у кондуктора было колесо, похожее на руль автомобиля, с помощью которого открывались двери. Ехать в таком трамвае было «щекотно» из-за дребезжания. Как интересно было бы нынешним детям раз в году, в день праздника Города, прокатиться на нем! Разве трудно было бы сохранить одну старую электричку, один старый автобус, один старый-старый компьютер, огромный машинный зал которого напоминал скорее храм...

Кто виноват, что «распадается связь времен»?

* * *

Мы едем обратно, и дети по привычке прильнули к окну.

Год человека

– Сейчас год Быка, – говорит младший сын, – перед ним был год Крысы, еще раньше – год Свиньи... Был год Петуха. Когда же наступит год Человека?

ЛИБАНОВА Т.

Великий и могучий

– Зачем в наш язык ввели иностранное слово *брифинг*? – возмущался один литератор, – ведь есть же хорошее русское слово – *пресс-конференция*.

* * *

– *Консенсус*, который нам удалось достигнуть, оказался *нелегитимным*, – сказал депутат на заседании Думы.

* * *

«*Имидж* человека должен соответствовать его *менталитету*», – написал ученик в сочинении по Чехову.

* * *

«*Презумпция невиновности*» тоже неплохо звучит по-русски:

«*Не пойман – не вор!*»

Чем измеряется жизнь?

Главный дар человеку от Бога – это жизнь. И люди совершенно справедливо считают, что чем больше она, тем лучше, и всегда желают друг другу большой жизни, долголетия. Но разве это одно и то же? Разве годами измеряется жизнь? Нет, жизнь измеряется чем-то иным, некими «*чудными мгновениями*», ради которых и стоит жить:

Мгновениями Любви.

Мгновениями Дружбы.

Мгновениями Подвига.

Мгновениями Творчества.

Мгновениями Счастья.

Мгновениями Благородства.

Мгновениями Полета души...

Говорят, что Лермонтов мало прожил. Вздор! Просто его *огромная* жизнь уместилась в 27 лет. Это надо понять. Таких людей принято жалеть, но разве прожившие долгу, но

маленькую жизнь меньше достойны жалости?

Почему лето короткое?

– Папа, отгадай: почему лето короткое, а зима длинная? – встретил меня Олежка, когда я вечером вернулся с работы.

Я начал было объяснять ему, как вертится Земля вокруг Солнца и вокруг своей оси, что ось ее вращения находится под углом к плоскости вращения вокруг Солнца...

– Это я знаю, – перебил сын, – но почему она *так* вращается?

– А почему? – заинтересовался я.

– Все очень просто: *счастье – всегда короткое!* – последовал ответ.

Голубое небо и синяя река

Однажды мы со старшим сыном ехали в троллейбусе по плотине Иркутской ГЭС и смотрели в окно. Очень интересное и полезное занятие, скажу я вам. Каждую секунду перед глазами проплывает что-то очень интересное, надо только успеть это заметить... Вот мы с Мишей сидим и смотрим в окно. На этот раз мы обратили внимание на то, как небо отражается в реке. Был солнечный сентябрьский день, в небе ни облачка. Небо было голубое-голубое, а река – синяя-синяя. Мы смотрели и не могли понять: почему так? Ведь небо, отражаясь в реке, как в зеркале, должно было сохранить свой облик, а оно стало гораздо красивей, как в сказке. Но мы сильно и не пытались разгадать эту тайну, мы смотрели на небо, на реку, и нам было хорошо... В отличие от других пассажиров, мы не считали эти минуты нашей жизни потерянными.

Паломники

Как-то, уже в перестроечные годы, мне довелось побывать в Москве. А разве можно, побывав в Москве, не посетить Красную площадь? В то время она еще не потеряла свой «советский» облик. Еще достаточно много желающих стояло в очереди на посещение Мавзолея, хотя и гораздо меньше, чем в прежние годы. К тому времени гласность уже в значительной степени успела подорвать веру советских людей в идеи коммунизма, уже чуть ли не на Красной площади можно было купить антисоветскую литературу, где главной мишенью был Ленин. Однако в среде простого народа, особенно в глубинке, это новое веяние еще не успело проникнуть и закрепиться. Народу нашему всегда был присущ здоровый консерватизм... Размышляя об этом, я, не торопясь, шел к Мавзолею, где в ожидании смены караула уже толпились зеваки. Да, караул уже не тот, что был лет 10-15 назад. Тогда в нем стояли солдаты гвардейского роста, а теперь не выше меня! Да и выправка уже не та... Вдруг я заметил нечто необычное: через всю площадь по направлению к Мавзолею торопливым шагом шла женщина средних лет. Одета она была не по-московски. И даже не по-городскому. Да, пожалуй, и в деревне этот наряд выглядел бы экзотически. Казалось, она сошла с экрана фильма пятидесятилетней давности. На загорелом морщинистом лице, никогда не знавшем косметики, было какое-то благостное, отрешенное выражение, что сразу бросалось в глаза. Но не это было главным, на что обращали внимание и благодаря

чему все взоры устремились к ней. Впереди себя она катила тележку на колесах – подшипниках, которые гремели по брусчатке. На тележке сидел безногий инвалид. Одетый не лучше своей спутницы, он имел такое же отрешенно-торжественное выражение лица. Держа его за плечи и катя таким образом перед собой тележку, женщина, ни на кого не обращая внимания и ничуть не смущаясь своего вида, шла вперед к Мавзолею, и гуляющая публика расступалась перед ней. Ей удалось через толпу пройти к металлическому заграждению, за которым уже маршировал караул. Ударили часы на Спасской башне, наступил торжественный момент смены караула... По лицам паломников катились слезы... Четко печатая шаг, караул удалялся. Народ постепенно расходился, и скоро рядом с этой странной парой не осталось никого. А они смотрели на Мавзолей, на Красную площадь, на Кремль и никуда не торопились... И я, стоя неподалеку, не спешил уходить. Наверное, думал я, они приехали издалека. Судя по их виду, они не принадлежали к числу обеспеченных людей. Пожалуй, долго, не один год, копили деньги на эту поездку и до конца жизни будут вспоминать о ней. Скорей всего, отсюда они поедут прямо на вокзал, и поезд умчит их обратно в какую-нибудь российскую глухомань... Они совершили паломничество в Святое место. Какую же надо иметь веру, чтобы отказывая себе в самом необходимом, сделать это! На лицах путников было написано счастье. По своей темноте, они еще не знали, что страна в очередной раз меняет веру...

Михаил Яценко,
доцент ИГПУ

* * *

Когда закат, проказник рыжий
Погладит сосен хохолки,
Встаю на путь, проклятый трижды,
Иду просить твоей руки.

Потом уж ночью околдован,
Я понимаю, почему,
Мне жить в твоих глазах удобно
В неокольцованном дыму.

Пусть длится этот вечный отпуск,
Как отпущение грехов,
Пусть улыбнется юный отпрыск,
Поймав обрывок тех стихов,

Которые рождались в муках
И умирали поутру...
Коль целовать чужие руки --
Неокольцованным умру.

* * *

И электричке плакаться в ночи,
Что путь ее заранее известен.
Стихам моим над этой бездной тесно,
А мне бы их просторам поручить,

А мне бы рассказать о самом-самом,
Что я услышал ночью от дождя,
Как ты меня, везучее дитя,
По краешку, по самому спасала.

А может мне расплакаться в ночи,
Что путь мой не тем штурманом проложен,
Я не хочу опять столкнуться с ложью,
А мне себя тебе лишь поручить...

РЕПОРТАЖ ПЕРВОЦВЕТА

КРИЗИС И МОЛОДОСТЬ

В стране кризис. Но, несмотря на это, запросы молодежи далеко не уменьшаются. Что же делать молодым людям, которым хочется побывать и тут, и там, при этом классно выглядеть и ни в чем себе не отказывать. Одни беспощадно трясут кошельки своих родителей, но другие не хотят этого делать, или у них просто нет такой возможности. Что же делать в этом случае? Лично для меня это не проблема. Когда мне исполнилось 14 лет, я впервые серьезно решила зарабатывать. Первым моим шагом стало обращение на молодежную биржу труда, но там мне сказали, что работы нет, и они ничем не могут мне помочь. Тогда я поняла, что мне надо полагаться лишь на себя.

Я решила попробовать найти работу по объявлению. Мне пришлось обзвонить множество людей, и, наконец, мое терпение и упорство были вознаграждены. Мне предложили расклеивать объявления. Работа меня вполне устраивала, и я, конечно же, согласилась. Надо сказать, что зарабатывала я достаточно много для моего возраста, при этом у меня хватало времени и на другие занятия. Так прошло мое первое рабочее лето.

Следующее лето ознаменовалось выборами губернатора Иркутской области, а значит, и

предвыборными кампаниями. Именно в предвыборную кампанию я и пошла работать, так же, как и множество других девчонок и парней. За это лето я научилась легко находить общий язык с незнакомыми людьми, перестала стесняться, в общем, стала человеком без комплексов. Именно эти качества и помогли мне найти работу следующим летом.

На этот раз я получила должность промоутера, то есть рекламного агента в компании «Кока-Кола». Эта работа была намного интересней, и, конечно же, выгодней предыдущей.

Для меня она была совсем не в тягость, потому что работать промоутером — это значит много друзей, всегда хорошее настроение и затем море приятных воспоминаний.

Итак, помимо денег, работа помогла мне стать более самостоятельным человеком.

Так что, мальчишки и девчонки, хватит вредничать, делать все наперекор родителям, докучать им постоянными просьбами и в то же время кричать о своей самостоятельности. Попробуйте для начала заработать деньги собственным трудом.

Юля Королева,
учащаяся 11 класса
школы № 47 г. Иркутска

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!»

В третью неделю марта 1999 года в городе Иркутске мама привела сына на прием к врачу. Следуя медицинским правилам, был сделан анализ на ВИЧ-инфекцию. Реакция оказалась положительной. Был сделан повторный анализ с использованием дорогостоящей техники. Реакция – та же. СПИД! Опустил голову подросток, зарыдала мать.

Ниточка привела в ПТУ на окраине города и замкнулась в среде наркоманов...

Наркомания... Что это? Дань моде? Болезнь? Безысходность? Незнание?

Полтора часа пролетели незаметно. С первых же минут специалистов, ведущих «круглый стол» в стенах центральной городской библиотеки города Усть-Илимска, повергли в изумление ответы на анонимную анкету: «Какие наркотические средства ты знаешь?», «Что такое, по-твоему, «кайф»?», «Как ты относишься к наркоману?». Бесхитростные ответы старшеклассников, назвавших десятки наркотиков, обрисовавших «кайф» (к счастью, в редких случаях в «натуре»), положительное, отрицательное и просто равнодушное отношение к наркоману («Это его жизнь»)... Все это заставляет глубоко задуматься над судьбами наших детей.

*«Смерть – это то, что приходит
не сразу,
Нервной ночью, солнечным днем.
Ты ее не тревожь напрасно,
Не шутите, играя с огнем!»*

Песня, несмотря на танцевальный ритм, тревожила. Какой контраст! Музыка, как стремление жить, и слова...

*«Скорая помощь» летит на
красный,
Но все напрасно, уже напрасно:
Тебе закрыты дороги назад,
Добро пожаловать в ад!»*

Дело милиции – установить, кто торгует наркотиками, кто распространяет, кто колетса или курит. Но, к сожалению, «дело» заводится уже тогда, когда совершено убийство, грабеж, изнасилование... Чтобы предостеречь попавшего в беду с первым уколom, она бессильна.

А кто же всемогущ?

Врач, терпеливо объясняющий, что наркомания – тяжелое психическое заболевание, рисуящий черную диаграмму зависимости от наркотика? Чем выше доза наркотика для «кайфа», тем больше его требуется в следующий раз, чтобы получить такой же «кайф». Чудовищная зависимость...

Психолог, пытающийся дать покой больному наркоману и наставить его на путь истинный? Предостерегающий неопытного молодого человека и дающий советы, как жить?

*«Сломанный джойт – не самое
страшное.
Новый завет мы имеем ввиду.
Сломанных судеб тайны вчерашние
Сегодня будут у всех на виду...»*

Библиотекарь, информирующий читателя и дающий литературу «по теме»?

МАЛАЯ РОДИНА ПЕРВОЦВЕТА

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

По итогам конкурса сочинений среди школьников г. Усть-Илимска

Юля Динеева,

учащаяся 6 класса школы № 9

В городе моей мечты должно быть все, о чем я мечтаю: от туфель на толстой подошве до зеленых полянок и нетронутых грозной рукой человека лесов.

Город, о котором я мечтаю, находится в облаках белого и розового цвета. В этот город ведут золоченые ворота с рубиновой звездой посередине и надписью «Добро пожаловать!» на всех языках мира. Возле ворот лежат два стража – белые тигры, Монтикор и Роджер. Пропускают они добрых и честных людей.

В моем городе нет многоэтажных домов и квартир. Каждый человек живет в отдельном доме. Хочу упомянуть об улицах. Я хочу, чтобы они назывались примерно так: «Радужная», «Солнечная», «Прозрачная», улица Меланхоликов и т. д. Между прочим, в городе моей мечты нет ни электричества, ни водопровода. Представляете, как это романтично: писать при тусклом свете керосиновой лампы и вставать рано утром, чтобы сходить за водой к колодцу! Кроме того, обстановка в домах в стиле XIX века (я вообще люблю антикварные вещи).

В этом городе мне не нужно никаких достопримечательностей типа Кремля или Красной площади. Но одно знаменитое место все же есть, и оно заслуживает того, чтобы про него рассказали подробно.

Это замок, в котором живет очень доброе привидение. Оно ведет себя, как все люди: днем бодрствует, а вечером ложится спать. Жилище привидения очень богато обставлено. В нем сорок комнат и пять этажей. В каждой комнате неизменно есть камин и удобный диван. На каждом этаже есть библиотека, в которой имеется множество старинных и интересных книг. Сам замок построен из кирпича, раствор для которого замешивался в полнолуние в серебряном чане на орлиной крови. Зловеще звучит, не правда ли?

А перед замком раскинулся прекрасный сад. Это, пожалуй, самое прекрасное место в моем городе. В нем растет множество цветов разных оттенков: красные, розовые, белые, синие! Там много фонтанов, в которых плавают золотые и серебряные рыбки. Дорожки утопанные и чистые. Но самое знаменитое место в этом саду – хрустальный постамент, на котором стоит ваза с алой розой – королевой роз. Все, кто увидел ее хоть

раз, не забудут никогда. Лепестки ее широкие, на них дрожат капли росы, которая не высыхает. Кстати, роза стоит в вазе без воды, но не увядает. Она будет стоять такой прекрасной до тех пор, пока не наступит конец света. Но, думаю, это будет не скоро.

Итак, население. Что о нем говорить? Там будут жить только я и привидение, о котором я упоминала выше. Да еще, пожалуй, те, кому я расскажу то, что сейчас написала. Почему? Да потому, что мечта эта моя, а не чья-то еще. Если хорошо подумать над этим, сразу все станет ясно. Я надеюсь, что моя мечта не сбудется никогда, потому что без мечты человеку вообще не жить. Я так считаю.

Оля Кузнецова,
учащаяся школы № 9

У каждого есть своя мечта, и каждый мечтает о своем. Например, я мечтаю жить в городе, где светит солнце и круглый год весна. В городе моей мечты дома сделаны из мрамора и фарфора, и в этих домах живут самые обыкновенные люди.

Мое любимое место в этом великолепном городе – фонтан. Он представляет собой ангела, который держит в руках сердце, а из небольшого отверстия льется чистая и прозрачная вода. Вода льется неторопливо.

В фонтане плавают необыкновенные рыбки. К вечеру все влюбленные приходят к фонтану. А мне нравится это место тем, что придя сюда, можно расслабиться и забыть свои заботы.

Вход в мой город представляет собой ворота из золота. Улицы длинные и широкие.

Я хотела бы, чтобы в моем ненастоящем городе был цирк. И у детей, смотрящих это представление, были улыбки на лицах. Также я бы хотела, чтобы в моем городе был концертный зал, придя в который, люди могли послушать классическую музыку. Ведь музыка делает человека добрее. А еще мне очень хочется, чтоб в городе моей мечты у всех детей были родители. И люди, живущие в моем волшебном городе, никогда не старели, не болели, и чтоб у всех было хорошее настроение.

Печально, что это только мечты! Но, как говорят: «Мечты сбываются и не сбываются, а все хорошее и есть мечта».

Настя Кузьменко,
учащаяся 6 класса школы № 9

Иногда, когда одиноко и скучно, ты придумываешь себе друзей, мечтаешь стать феей в прекрасном городе, прекрасной бабочкой, грациозно порхающей с цветка на цветок. Но вначале ты представляешь себе город, где будут жить та же бабочка или фея.

У берега моря стоит крепость с жемчужными воротами, а за воротами раскинулся городок. Весь он построен в античном стиле и, так как это самое древнее место на земле, здесь много памятников и древних строений. Вот мое самое любимое здание – это сказочно-красивая, сделанная из красного дерева школа. Около школы раскинулся большой сад яблонь и вишен, которые зацветут весной розовато-белыми цветами. Часто в этом саду проходит веселый урок без оценок и без домашнего за-

дания. В самом центре моего города построен золотой фонтан в виде огромной ракушки, из которой льется вода. Вода отражает оттенки фонтана, и кажется, будто она вся золотая.

В этом моем мире природа полностью гармонирует с людьми, и поэтому в моем городе нет горя и зла, слез и потерь, там только счастливые улыбки. Этот мир небольшой, но в нем может жить любой.

Население города – это добрые, умные, влюбленные люди, которые ценят красоту и природу, а вечером выходят на берег посмотреть на звезды, послушать тихое журчание прибоя, который поет о морских глубинах.

Дима Дворцовой,
учащийся 6 класса школы № 9

Мне задали писать сочинение о Городе моей мечты. Вечером, удобно устроившись за письменным столом, я долго думал и не заметил, как заснул.

И вот я брожу по широким улицам незнакомого города и вдруг вижу, что по двум сторонам дороги движется эскалатор. Я вступил на него, и меня понесло по городу. Я проезжал мимо и видел, что дома сделаны из песка, а крыши из разноцветных ракушек. Там ездили красивые машины. По обочинам дороги росли деревья фиолетового цвета. Они были небольшие, но очень пушистые. Я проезжал мимо гостиниц, библиотек, магазинов, музеев. Меня окружали очень интересные люди, они мне улыбались и что-то говорили. И тут я посмотрел вверх и увидел, что над головой у меня раскинулось не небо, а огромный стеклян-

ный купол. А над ним вместо туч плавали огромные рыбы, осьминоги, черепахи и всякие моллюски. Это было очень здорово, и я долго не мог оторваться от этой картины. А вместо солнца светил какой-то шар, окрашивая все окружающее фиолетовым цветом. Тогда я понял, это подводный город. И тут я проснулся. Но в городе, который я увидел во сне, я хотел бы побывать.

Светлана Козулина,
учащаяся школы № 9

В городе моей мечты есть все, о чем мечтают дети... В моем городе много парков-развлечений, бассейнов, и дети покупают все, что им хочется. Здесь много зоопарков, цирков, театров. Везде чисто и красиво! Улицы украшают гирлянды, играет музыка. Я живу в коттедже, а во дворе у меня бассейн, много деревьев с яблоками, апельсинами, бананами и другими плодами. У меня живут собаки, лошади, обезьяны, попугаи.

Сегодня утром мой пес Шарик принес мне письмо, оно оказалось от Скруджа Макдака. Он пишет, что прилетит ко мне на ковче-самолете с Дилли, Вилли и Тилли. Вот и они! Скрудж Макдак подарил мне несколько червонцев из своего сейфа. Они попили чай с пирожками и улетели. Я легла в свою кровать, покрытую лепестками белых роз, и сразу заснула... Мне приснилось, будто я королева всего мира, я гуляла по парку, и вдруг подъехал ко мне принц на белом коне и поцеловал меня в щеку...

Я проснулась. Оказывается, приехала моя бабушка и поцеловала меня. Она сказала: «Мы пойдем в

гости к Микки Маусу, одевайся бы-
стренько!»

Дверь нам открыл Микки Маус и
сказал, чтобы мы проходили в зал.
Мы прошли, на кресле лежал его кот
Персик. Мы немного посидели, по-
пили чаю и пошли. Бабушка уехала
сразу вечером. Мне не стало скучно,
потому что в моем городе никогда
никто не скучает, а идет в парк раз-
влечений, а там радость побеждает
скуку.

Вечер. У меня в гостях сказоч-
ные герои: Микки Маус, Понка, Ру-
салочка, Чип и Дейл, миссис Клюв-
дия и многие другие. Нам всем очень
весело... В городе моей мечты все
загадочно. Приезжайте в гости. Здесь
вам будут рады все сказочные герои.

Вот такой вот город моей мечты.

Дима Сенатрев,
учащийся школы № 9

Я мечтаю о городе, который бы
находился на большом острове среди
океана. В этом городе никогда не

было бы зимы и всегда жарко. Но в
тридцати километрах от города
должны быть горы, на которых все-
гда снег и можно кататься на лыжах,
снежных скейтах и санках. В самом
городе все должно быть бесплатным.
А если человек захотел уехать в дру-
гую страну, ему давали бы много де-
нег из специального банка. Еще в та-
ком городе должен быть космодром,
как с огромными кораблями, так и с
небольшими капсулами. Ими можно
было бы очень легко управлять и
этому учили бы в специальных шко-
лах.

В школах этого города учителя не
должны задавать домашние задания.
Но главное, не должно быть преступ-
ников. Как мелкой «крутизнь», так и
«авторитетов». И еще, что важно, по
городу не должны «расхаживать» бо-
лезни, и если с человеком случится
несчастный случай, то в больнице его
должны обязательно вылечить, пото-
му что больница должна быть осна-
щена самой современной и фантасти-
ческой аппаратурой.

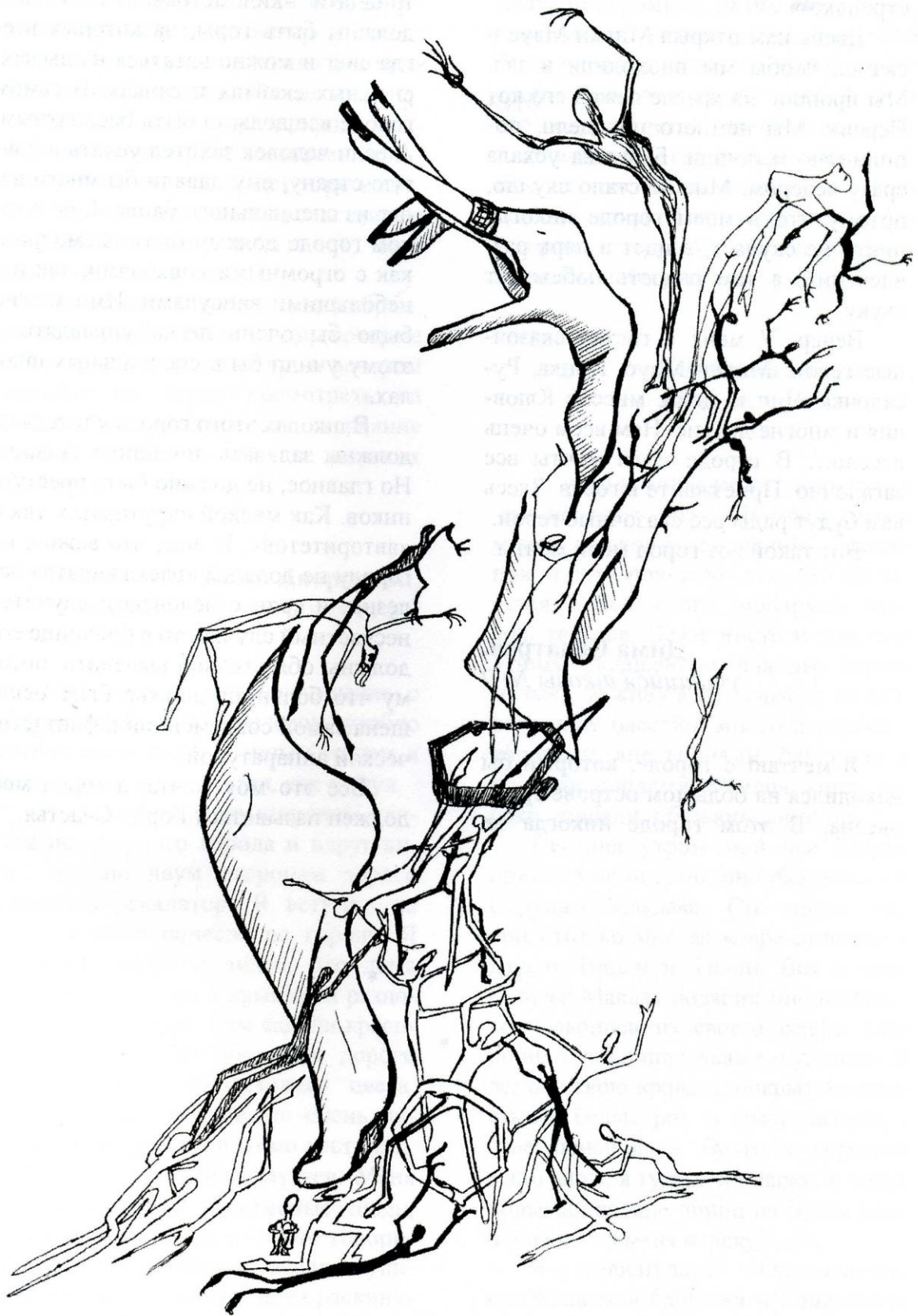
Все это моя мечта, а город мой
должен называться Город Счастья.

*

*

*

РАССУЖДЕНИЯ О ВЕЧНОЙ И НАСУЩНОЙ ПЕЧАЛИ

Глава I. Что такое печаль?

... Тот сгусток лунного,
мерцающего света
Подхватит на ладонь
и спрячет в сердце где-то,
Подальше от чужих,
от солнечных лучей.

Шарль Бодлер

Что такое печаль? Мало кто всерьез задумывался над этим вопросом, хотя испытывал это чувство, несомненно, каждый.

Прежде всего стоит упомянуть, что печаль – одно из самых объемлющих чувств. Она присутствует как в радостных размышлениях, подобно оборотной стороне луны, так и в пессимистических взглядах на мир. Примечательно, что в отличие от страха, боли и разочарования, не осознаваемых умом, печаль чаще всего осознана и является чувством более приятным, нежели неприятным.

Составляющие печали давно уже воспринимаются как самостоятельные чувства. Однако это не так. Грусть, тоска, горечь – все это не что иное, как проявления печали.

В зависимости от конкретных особенностей ощущения, печаль может быть вызвана потерей – либо

свершившейся, либо существующей как данность. Например, печаль может вызвать плохая погода, не причиняющая особых неприятностей, но символизирующая потерю солнца, тепла, жизни. Еще печаль может возникнуть у человека в связи с отсутствием у него таланта, качества или атрибута, не положенного ему самой судьбой.

Печаль заложена глубоко в подсознании, в самой сущности человека – животные, насколько мы знаем, печали не подвержены. Бывает достаточно небольшого стимула в виде символистического изображения печали, чтобы пробудить это чувство у самого беспечного и веселого человека. Произведения литературы, музыки и изобразительного искусства сквозят печалью, навевают печаль, заставляют проникнуться печалью. Причина проста – творческие личности – своеобразный индикатор, создатель и инициатор мировой печали.

Печаль не только рассеивает иллюзорные представления о мире, навязанные отчаянной бравадой тех, кто пытается что есть сил спрятаться от своего истинного «я», но и обнажает личность человека, заставляет в мгновение переосмыслить суть ми-

рождения и место в нем любого индивидуума. Уместно было бы привести в пример своеобразный ремикс известной поговорки, которая в нашем случае звучит примерно так: «Друг познается в печали». Большинство собеседников, стоит вам на несколько минут погрузиться в молчание, сочтут вас скучным человеком и потеряют к вам всякий интерес. Зато какой восторг вызовет у них человек, молчаливо разделяющий их собственную печаль. Так что же это такое – печаль?

Это чувство, возникающее у человеческого существа при факте духовного осмысления собственного существа и окружающего мира. Сопровождается печаль, как ни странно, ощущением горьковато-сладкого наполнения ума и духа – приятного, как хорошее вино, и глобального, как ощущение жизни. Это ощущение (жизни) – единственное из ощущений, способное захватывать сознание наравне с печалью. Однако не нужно ставить печаль в один ряд со смертью – жизнь делает печаль именно такой упоительной, печаль делает жизнь наполненной и осмысленной. Заметьте, когда вы размышляете о чем-то действительно важном для вас – вы неизменно печальны.

Глава II. Вездесущие печали

...Что можешь ты сказать, мой дух,
всегда ненастный,
душа поблекшая, что можешь ты
сказать?

Шарль Бодлер

Давайте рассмотрим составляющие печали, чтобы яснее представить картину и узнать лазейки, по

которым печаль проникает в наше существо.

Самое значительное составляющее – *тоска*. Человек неизменно жаждет быть приобщенным к волнующим, наполняющим бытие эмоциям, событиям, личностям и чувствам. И когда эти элементы полноты отделены от него непреодолимым временем или пространством, либо навязанными табу, в душе человека рождается чувство острой нехватки – тоска. Развивается что-то вроде клаустрофобии наоборот. Если при последней человек страдает от присутствия (стен), то в случае тоски, человек боится отсутствия (чего-нибудь или кого-нибудь). Тоска по острым ощущениям, влекущим ощущения глобальной значимости (революции, подвиги, спасение мира), тоска по реализации заложенных качеств (гениальные творения, изобретения), тоска по общности с прекрасным (предметы искусства, стиль жизни, живописные места), тоска по реализации полового инстинкта (прекрасные женщины, никогда не ставшие твоими, мужчины, минующие вас на пике своей красоты и жизнеспособности) и тоска по реализации других инстинктов (хороший дом, вкусная еда и т. д.) – вот основные источники этой составляющей печали.

Особую остроту тоски человек ощущает в том случае, если вышеописанные элементы уже имели место в его жизни, но по различным причинам недоступны в данное время. Тогда тоска, имеющая под собой конкретное запомнившееся ощущение-опору, может обостряться вплоть до полного затмения чувства жизни. Как следствие такого обострения – нередкие самоубийства.

Так как тоска базируется не только на духовных, но и на инстинктивных потребностях, ее могут испытывать многие виды животных. Печаль им, конечно, недоступна, но вот тоска собаки по хозяину, потерявшему и недоступному, – сложившийся факт.

Первым симптомом тоски является более мягкая ее форма – *грусть*. Чуть больше осознания потери и недостижимости – и хорошая тоска вам обеспечена.

Наиболее сильной и прогрессивной является печаль, главный объект которой тот, кто эту печаль испытывает. Обратите внимание на разницу в постановке фразы: «Она так хороша и она не со мной» и «Она так хороша, но я не с ней». В первом случае доминанта тоски выносится за пределы личности и не наполняет ее полностью, так как субъекты печали могут меняться. Во втором случае печаль по субъекту ориентирована на собственное «я» печалющегося человека. И сколько бы ни было поводов для печали – он будет испивать СОБСТВЕННУЮ печаль до дна, осознавая свое реальное незавидное положение в мире. Ведь даже фантазии становятся более реалистичными для восприятия, если главный герой в них не кто-то, а вы сами.

Вернемся к названию главы и поговорим, собственно, о вездесущности печалей. Начнем, пожалуй, с парадокса радости. О чем думает печальный человек, мы можем себе представить, перечитав начало главы и сопоставив данные с наиболее вероятными претензиями на жизнь наблюдаемого человека. Но что может породить печаль в сердце веселого человека?

Ее, как ни странно, порождает сама жизнь. Иногда человек предается увеселениям, чтобы отдохнуть от изматывающего чувства нереализованности, но и тогда жизнь – это постоянно меняющееся явление – преподносит знания, стимулирующие печаль. Человек знает, что вечеринки и куски вкусных тортов кончаются, что наутро наступает похмелье и самая страстная и красивая любовь неизбежно кончится, а молодая жена превратится в сварливую матрону. Человеческое существо, похоже, всеми силами упирается и не хочет принять данное природой. В то время, как осознав переменчивость форм и приняв ее, можно без ненужного напряжения переживать как веселые, так и печальные события.

Обычно же осознание начинается только в старости, когда человек и его печаль становятся неразрывным целым, притираются друг к другу и научаются довольно гармонично существовать вместе. Однако для этого необходимо пережить величайшее в жизни разочарование. Когда ребенок мечтает вырасти, чтобы мочь и иметь, он и не подозревает о том, что через десять-двадцать лет он откроет для себя, что с каждым днем он начинает мочь и иметь все меньше и меньше. Девочка, мечтавшая стать красавицей, ужаснется однажды своей первой морщинке, юноша, мечтавший стать танцором или космонавтом, вдруг узнает, что для воплощения своей долгожданной мечты он уже вышел из возраста.

Вам наверняка приходилось наблюдать, какая печаль охватывает пожилых людей при взгляде на беспечную школьницу. Они вспоминают все то, чего не достигли они сами,

и подчас до самого конца не могут смириться с этим. Где же выход?

Спросите себя, радовались ли вы солнцу прошлым летом? А порадует ли вас тепло завтрашнего солнца? Да. Хотя прошлого солнца уже нет, а завтрашнее еще не взошло. Но это так естественно, что мы не сомневаемся ни на минуту. День – это жизнь, ночь – это печаль. Радуйась жизни, печальтесь.

Представим на минуту, что печаль исчезла из вашей жизни. Вы все время радостны, улыбаетесь, смеетесь, вам всегда хорошо. Напоминает сумасшествие, не правда ли? То есть глупую беспечность (которая умной никогда и не была) – ни мудрой задумчивости, ни серьезности. Интересное наблюдение, но у мудрецов даже юмор в чем-то печален.

А возьмем самые популярные произведения современной эстрады, то, за что люди платят деньги, в качестве примера. Что же покупают эти люди? А покупают они историю одного парня, размышляющего, как ему покончить с собой, чтобы спасти свою девушку от удушливой смерти («Наutilus Помпилиус», «Дыхание»), или про то, как тяжело страдает

брошенная любовница («Стрелки», «Ты бросил меня»), и много других. Артисты, изображающие страдания и печаль лучше других, пользуются большим спросом у масс. Американские киношники сделали вывод, что чаще всего на премию «Оскар» выдвигаются (и побеждают) наиболее печальные фильмы с печальными страдающими актерами, играющими роли калек и инвалидов.

Так что ж, людям не хватает собственной печали? Нет, ее у них достаточно. Дело в том, что печалью нужно делиться, выплеснуть ее подружке, психологу или в кинотеатре. Только так печаль может существовать без вреда для человека, а даже с пользой. Ведь если поместить человека (жизнь) в условия изоляции, он не замедлит сойти с ума и в конце концов стать непригодным для общественной жизни индивидом. Если же годами скрывать печаль, этот опыт выльется в депрессию, от которой до более серьезного нарушения психики рукой подать.

Подытожить все вышесказанное можно только одним коротким и емким выводом: Печальтесь. Вместе. В радость...

*

*

*

Сергей Дымов

ШОФЕР СЕРЕГА И ЕГО ПОТЯБИШИЙ ПАЛЕЦ

Юмореска

Один мой знакомый по имени Серега получил не так давно производственную травму. Я когда узнал про это, не находил себе места, до того жутко мне было от чужой человеческой боли. Дело в том, что Серега отдал себе палец. Он неправильно работал домкратом, и громадная масса расплющила его палец в лепешку, после чего остатки пальца ампутировали в больнице местные хирурги – здоровые парни с железными зубами. Серега – совсем еще молодой шофер с будущим, – и на тебе! Отрезали на фиг большой палец правой руки. Я не знал, что делать, когда про это услышал, так было жалко Серегу, что невмочь хотелось пойти в больницу и произнести слова утешения, ведь он шофер, а какой же шофер без пальца, тем более без большого? Нам всем было очень жалко Серегу, весь наш коллектив жалел его, потому что хороший был парень, и вот, остался он теперь без большого пальца. Я два дня работать не мог, все думал и вспоминал, а также представлял себя на

его месте. «Хорошо, – думал я, – что я не шофер! Даже если мне и отрежут какой-нибудь палец, это почти не отразится на моей профессиональной пригодности. Не то что у шофера! Ему нужны все десять рабочих пальцев, чтобы крепко держать в руках штурвал, а иначе он не пройдет комиссию и его признают инвалидом, а ведь он еще такой молодой. Эх, Серега, Серега! Как же тебе не повезло!»

Мы переживали долго. Дня три. Потом как-то забылось. Это вообще неприятная человеческая черта. Сегодня, скажем, человек умер, а завтра про него уже никто не помнит. То есть я фигурально выражаюсь! Завтра, конечно, кое-кто его еще помнит, а вот послезавтра уже точно никто, то есть я снова фигурально. Так и с Серегой. Несмотря на кошмарность травмы, мы забыли про него уже на третий день, не чаяли увидеть его никогда, потому что какой он теперь шофер без пальца, там теперь нового шофера нужно искать, фирма без машины долго быть не может. Вот так быстро

перегорели наши сердца, так сгорел в них без остатка славный Серегин образ, вспыхнул, словно бездымный порох, и угас, подтвердив известную истину про то, что острые чувства быстро притупляются.

Каково же было наше удивление, когда в один прекрасный момент появился среди нас шофер Серега с перевязанным пальцем на правой руке, который, ко всеобщему изумлению, оказался вовсе не расплюснутым и совершенно на месте! У меня сначала дрожь по телу пошла, но потом я тот палец рассмотрел – у него просто мякоть с фаланги слезла, а все остальное оказалось совершенно цело, то есть скелет нисколечко не пострадал. Когда я это увидел, то почувствовал досаду и возмущение. «Как? – возмутился я. – Этот подлец, оказывается, совершенно здоров! Мы все дружно оплакивали его погибший палец, а оказалось, что мы напрасно трагичили свои нервы и эмоции, когда этот гнусный тип был вовсе не болен, а напротив, чувствовал себя прекрасно и даже располнел». Мы пришли в ярость. Зачем же он нас обманул? Мы думали, что у него ампутировали палец, мы жалели его, как порядочного, а он оказался совсем наоборот, то есть со всеми пальцами и с подлой ухмылкой на лице.

– Как же так? Серега? – спрашивали мы. – Что с тобой на самом деле произошло? Как случилось, что палец твой остался на

месте, а ты, получается, всех нас обманул?

То есть я не помню дословно и даже не помню, все ли было произнесено, как тут, или это просто копилось в наших мозгах, но порыв был единый, мы не сговариваясь осудили бессовестный Серегин обман.

Но прошло немало времени – месяц или два, – и мы успокоились. И теперь относительно трезво можем оценивать произошедшие события. Мы, конечно, погорячились, когда выразили Сереге свое недоверие. В конце концов, не он обманывал нас, когда говорил, что ему расплющило домкратом палец. Это сделал какой-то подлец, а мы все обрадовались и заголосили на все лады: у Серегина палец отрезали, у Серегина палец отняли!.. Вот если бы, скажем, он нам записку из больницы написал, что так, мол, и так, братва, не осуждайте меня, но мне отрезали палец, и я теперь ничего не соображаю от горя, помогите, если можете! Если бы он сам такое заявил, тогда бы мы имели право обвинять его в подлости, в обмане и во многом другом, чего я не могу как следует выразить. А теперь так случилось, что и концов не найти. Кто про палец первый сказал? – никак не разберешь. Если бы могли такого найти, то мы справедливо наклали бы ему по шее за то, что он надсмеялся над нами и поставил в неловкое положение. Он – подлец и негодяй, мы бы добились

его увольнения, в крайнем случае через суд, он бы, сукин сын, узнал, как это – обманывать своих дорогих товарищей, играя на их святых чувствах, когда мы все готовы были отдать страждущему товарищу последнюю рубашку, чтобы ему было не так больно и обидно за потерянный палец. Я извиняюсь, что так путано пишу, но меня до глубины души возмутил этот случай, до сих пор простить себе не могу, что поверил в эту ерунду, пусть Серега меня простит, хотя, если разобраться, он сам виноват, нечего было лезть пальцами под домкраты, надо было соблюдать технику безопасности, а иначе все начнут калечиться и садиться на больничные листы, кто же тогда будет их всех жалеть и платить им подъемные?..

А вообще-то Серега не такой уж и плохой. Он всегда здороваётся и просит закурить, когда я прохожу мимо, и я ему даю, если у меня есть, но этого никогда не бывает, потому что я лет пять уже не курю. Раньше курил, а потом бросил. Я, как бы это сказать, – бывший спортсмен. Поэтому и не курю. Одно время начал было, – не прижилось. Пришлось отказаться, зато теперь большая экономия средств. Правда, ребята обижаются, когда просят, тот же Серега с обмотанным пальцем. Вообще палец его выводит меня из себя. Позавчера я видел, что палец у него был нормальный, то

есть без бинта, а сегодня – опять забинтованный! Издевается он, что ли? Играет на нервах, сволочь. Думает, это так просто – узнать про человека, что ему ампутировали палец, а потом увидеть этот палец живым. Это, в конце концов, противоестественно! Можно подумать, что он у него снова отрос! Сначала он его, видите ли, отдал, потом его ему отрезали ножом, а потом он у него снова вырос, как хвост у ящерицы, но с ящерицей все ясно, это такая тварь, что не дай бог, а вот когда такое наблюдаешь у человека, то, я извиняюсь, хочется завывать и в лес убежать, ну его к чертям собачьим, этого Серегу, лучше бы я его никогда не видел!

Вот я и говорю: граждане, берегите свое здоровье! Ваше здоровье – это наше общее достояние. Глядя на вас, смеются или расстраиваются тысячи ваших знакомых, то есть таких, которые живут с вами рядом и наблюдают за вашими успехами. И если вы поразите их когда-нибудь своим неблагополучием, то получите в ответ справедливое негодование, и это будет целиком на вашей совести. Не вздумайте играть на нервах у близких вам людей и шутить с их возвышенными чувствами. При таком варианте с вами случатся самые непредсказуемые последствия, и вы справедливо будете наказаны всеобщим презрением.

*Ученица 9 класса Осинского экспериментального
учебно-воспитательного комплекса*

Я – УДИЛИЩЕ

Однажды мне приснился необычный сон. В этом сне я была... ни за что не угадаете, кем! Я была удилищем. Моим хозяином был симпатичный светловолосый мальчик, которого звали Юрой. Мальчик поставил меня в угол и ушел куда-то по своим делам. Мне надоело стоять и я, вздохнув, сказала:

– Как же скучно здесь стоять, даже не с кем словечком перемолвиться.

И вдруг, к моему большому удивлению, мне ответила деревянная кровать.

– Да, ты права, я тут стою уже несколько лет. Хозяин у меня очень спокойный, и в его комнате ничего не происходит, даже друзья к нему приходят редко, в основном, за книжками. Вон их сколько в шкафу стоит.

– Какой ужас! – сказала я. – Неужели я буду стоять здесь вот так, без движения, несколько месяцев? А зимой меня, наверное, уберут в кладовку, где пыльно и, может быть, водятся мыши?

– Нет, тебя завтра возьмут на рыбалку, на природу. Там растут

трава и деревья. Когда-то я была деревом, и ветер играл в моих листьях, а на моих ветвях сидели птицы и пели чудесные песни, да, моя дорогая, это было чудесное время!

– Тогда скорей было бы утро, – сказала я и заснула.

И вот, когда я еще и выспаться толком не успела, меня взяли и повесили на плечо. Я долго тряслась в дороге. Наконец, мы пришли в этот лес, о котором мне рассказала кровать. Меня опустили над речкой, и я могла рассмотреть ее дно. Там были водоросли, мелкие красивые камешки, сновали туда-сюда головастики, и болтался, движимый течением, червяк. Потом я увидела, как к нему плывет, раскрыв рот, большая рыба. Я даже не успела понять, скорее почувствовала, что меня тянет вниз, как очутилась в холодной воде. Мальчик не смог меня удержать, и теперь я плыла по течению реки. Плыть было приятно, но вдруг я увидела, что меня затягивает в большую воронку...

«Мама!», – закричала я и проснулась.